

Небольсин Евгений

О вере славян. Научное эссе

Евгений Анатольевич Небольсин

О вере славян. Научное эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68255110

SelfPub; 2024

Аннотация

Изложенное в этой работе – результат долгих поисков и научных экспериментов над самим собой. Гераклид, философ древней Греции говорил, что "Многознание уму не неучает". Тут нет перечисления всего известного, но только самое главное или суть древней веры славян. Эссе меньше 100 стр

Евгений Небольсин

О вере славян.

Научное эссе

Вступление

Бог один. А потому те, кто смотрит на Него, становятся одним целым и только в этом случае «кольчугой начинает звенеть русская речь».

Если духоносные отцы Церкви увидят в этих работах ересь, то пусть внесут нужные исправления и приведут к должному. Работа над этой темой далека от завершения, но приходится публиковать то, что есть, ибо всякая «ложка добра» дорога к обеду».

Перед Вами научное эссе. Темы, поднятые в данной работе были актуальными всегда и в самом начале зарождения цивилизации, и сегодня и будут иметь значение в будущем вечно. Для начала сделаем вводные установочки.

За всю историю человечества возникало множество религиозных течений. И, надо сказать, каждый опыт отношений с Богом по своему уникален и приносит благие плоды, без коих всякое учение обречено на временность и уходит вместе со своей эпохой в прошлое. Вопрос состоит в ином, насколько полным является это приобщение к Нему в той или иной религии и насколько сильное единство с Ним в ней. Те,

кто ближе к Богу, те сильнее. Теперь о чем эта книга?

Когда Адам и Ева согрешили, они первым делом попытались узаконить жизнь с грехом. То есть Адам посмотрел на листья смоквы и увидел (сделал первое научное открытие), что её свойства позволяют прикрыть наготу. Они срывают листья и делают первое глумление над Божьим миром. Вместо покаяния в содеянном грехе, становятся грешниками в законе. То есть бытие Вселенной уже не принимают как есть в Божьем Замысле, ибо в нём нет радости. Но самое страшное в ином, люди принимают сие, как норму бытия. Думают, что так должно быть и перестают бороться с грехом, и ради жизни в таком вот состоянии губят все живое. Ибо грех требует восполнения ущерба от жизни с грехом.

Наука – форма богословия, указывающая на путь единения с Богом, указывающая на то, какой должна быть святость (Закон Моисея) и каким должен быть человек Божий (Спаситель). Наука показывает на то, каково беспредельное счастье в Боге. Таким вот образом, наука естественным для себя образом славит Творца.

Но что делают ученые, когда заявляют о научном открытии? Они из-за своей привычки жить во грехе первым делом смотрят на то, насколько эффективное средство для возможного уничтожения людей. Мир как бы двойственный. С одной стороны, ученый показывает, где находится Бог, а с другой убивает то, что попало в поле зрения, как враждебное Божьему миру: либо ты святой, либо так жить нельзя. Таков

Суд Божий уже здесь на Земле. Учение древних славян – это как раз многоотраслевое в пределах единой веры исповедание пути возвращения к Богу, возвращение к послушанию у старшего в роду, как сообразность Небесному Царству на Земле.

Но почему-то с самого детства прививают нам образ падшего Адама с его желанием убить то, что он не создавал. Почему-то пугают перенаселённостью, а всю красоту и величие монашеского подвига прячут от людей. А ведь на Руси древней этот подвиг был для русичей, как полёт в космос в современном мире. То есть считали этих людей высшей кастой, настолько был он в почёте. Каждому было позволено взять эту Вершину вершин в самом себе не покушаясь на радость младенца, который живет в каждом из нас всегда.

Это Коловрат. В нём древние понимали два в одном: указание на Центр, вокруг которого все крутится – с одной стороны; всё надо смести вокруг, кроме Центра, вокруг которого всё крутится – это с другой стороны. Есть ещё третье – это когда реальность вокруг Центра Коловрата сообразуется с Центром в образе и уподобляется Ему так, как ему это естественно. Иного не дано. Христос Спаситель ничего не разрушил в этой схеме, а привнёс Благодать Духа Святого для того, чтобы жизнь в святости наполнилась большей радостью.

Так вот Коловрат для далёких древних славян – это есть сам человек с очень высокой степенью подвижничества ра-

достью. Надо совместить улыбку младенца на руках матери с высочайшим по тяжести подвижничеством без повреждения телесности. Радость младенца должна быть нетронутой, а подвижничество высокое – забраться на Вершину вершин.

Хорошо говорит Спаситель нам: "... Приидите ко Мне все *труждающиеся и обремененнии* и научитесь от Мене, яко кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим, иго бы Мое благо (то есть оное не против закона жизни и в этом его благодать) и бремя Мое легко есть (то есть иго Его благо, не против закона общества, но в то же время не трудно безопасно даже для улыбки младенца)"

Это наука наук аскеза. В книге речь пойдет о том, как древняя мысль славян приобщает человека к Богу.

В моей жизни был такой случай. В нашем городе часто проходят выставки местных мастеров живописи. На одной из них принимал участие мой давний знаковый. Когда я узнал об этом, мне стало интересно и потому решил ее посетить в ближайшие дни. Картин было много, но работы моего знакомого нигде не было. Тогда я позвонил ему по телефону и вот мы вместе стоим перед его громадным полотном. Почему-то картина висела вверх ногами и называлась она тоже иначе «Мужчина перелазит через забор, потому что он забыл ключи дома». Организаторы художественной выставки потеряли сопроводительный документ с названием и именем автора, а потому на свой страх и риск сделали то, что сделали.

На самом деле перед нами какой-то человек и вроде бы куда-то лезет. Почему перед нами был именно мужчина стало понятно при более детальном осмотре. Так бывает. Рисовал одно, а получилось другое и, надо сказать, хорошо у него вышло. Многие специалисты уже успели заметить выдающийся талант начинающего художника и даже фотографировались на фоне этой самой большой картины выставочного зала. Не только потому, что художник был еврей, а те, кто восхищались его шедевром и делали записи в книге выставки, были тоже евреи. Нет совсем. Заметен был также глубокий смысл реалистично изображенного сюжета и потому, чтобы люди не уходили далеко в своих рассуждениях и, чтобы не было разнобоя, организаторы дали картине такое подробное поясняющее название. Можно было часами смотреть и думать о смысле жизни. На самом-то деле великий пейзажист пытался донести публике красоту Вселенной, созерцая спокойное море, открывающееся между двумя скалами, парусник, чайки и восходящее Солнце. Много красок и света. Если бы художник взял простой карандаш и на чистом листе все это изобразил схематично, то не возникало бы такой путаницы, всё было бы ясно и понятно. Но тогда картина потеряла бы свою художественную ценность и привлекательность.

Просто природа прекрасного всегда имеет множество граней и, если мы хотим подчеркнуть какую-то одну из них, то неизбежно все остальные уходят на второй план и пропадают из поля зрения. Когда мы хотим выразить какую-то грань

прекрасного, то берем один набор инструментов. А для выражения иной стороны той же красоты соответственно пользуемся иным пакетом принадлежностей. Но все формы выражения красоты не противоречат друг друга, не исключают друг друга и взаимно дополняют. Поэтому мир надо принимать таким, каков он есть, но в то же время, чтобы понимать его, жизненно важно искать ту позицию созерцания, стоя на которой все эти противоречия становятся дополнением друг другу. Этот полюс безальтернативный, он один и единственный. Все другие точки созерцания являют взаимоисключающие противоречия. Давайте же дадим определения этой точке созерцания Вселенной.

Древнегреческий философ, основатель Милетской школы Фалес говорил, что за множеством картин не видно общего вида. Если вы ходите по лесу и собираете грибы, то перед вашим взором много деревьев, травы, какие-то овраги, ручьи и так далее. Но за всем этим не видно то, что открыто человеку с высоты птичьего полета. Но с высоты не разглядеть грибы, прячущиеся в траве и валежнике. Другой пример. Представим себе, что мы стоим вплотную к полотну великого русского живописца Айвазовского. Нашему взору лишь открыты много разноцветных высохших бугорков масляной краски. За этим разноцветием колора видеть одну единую структуру не представляется возможным. Хотя конечно, возникают какие-то ассоциации в нашем воображении. Как это обычно бывает, мы переворачиваем мир вверх дном и потом в соб-

ственный дом лезем через забор. Но это воображение остается далеко от истины, ибо нужно отойти от картины на некоторое расстояние. Только в этом случае перед нами явственно раскрывается замысел гениального художника.

Почему важно дистанцироваться? Дело все в том, что по грехопадению человек получил воспаление, кое отразилось на возможностях познавать мир. Мы теперь имеем сильное ограничение сектора обзора. То есть видим не всё сразу, как это было во Царстве Божьем, а только то, что перед нашим взором. Мы зрим мир вокруг нас через “замочную скважину” двери, за которой Царство Небесное. Надо занять такую точку обозрения, благодаря коей в поле зрения ограниченной возможностью физиологии попадает вся Вселенная. То есть необходимо стоять на расстоянии, как можно дальше, чтобы созерцать всё великое издали, ибо издали великое умещается в узкий сектор возможности восприятия. Но и это ещё не всё. Далеко отстоять ещё мало. Божественная высота имеет также иное имя – она есть ещё и Начало начал. Именно поэтому все математические теории человеком позиционируются в нулевой отметке отсчета и вокруг неё, а не где-то в бесконечности. Всем такой понятийный язык удобоприемлемый, ибо каждый узнает в нём самого себя и потому может высказывать свои суждения. То есть вместо того чтобы возрастать в естетственном, мы ищем то, чем сами являемся.

Итак, каждый в себе несёт эту высоту. При этом следу-

ет сказать о том, что у каждого нет своей индивидуальной вершины, ибо она на всех одна общая и единственная. Для каждого индивидуальным остается только путь восхождения на эту высоту. С нее открывается один и тот же вид, как в самом начале начал, так и ныне, и так будет всегда. Чтобы понимать понятийный язык философа, богослова, автора книги, необходимо уже стоять на этой Вершине. Почему это важно? Дело в том, что многие слова имеют несколько значений, из-за чего возникает самая тяжёлая задача для лингвистов и тех, кто делает перевод текста на родной язык или пытается трактовать смысл высказывания. Текст возник, как свидетельство о Боге, но двусмысленностью слов может увести человека далеко от Него. А потому при изложении мысли или при переводе текста, чтобы верно понимать автора, надо уже быть на этой высоте, единой для всего и вся высоте. Благодаря этому мысль сама по себе соотнобразуется с естественным для мира порядком вещей. Сие важно, чтобы не извратить генеральную идею мыслителя и, может быть, даже дополнить то, что утрачено в его текстах или уже адаптировано к сложившейся ситуации довести его мысль до полноты верного понимания сути вещей. Точно также дело обстоит и с текстами древнего славянского наследия. Надо быть тем древним русским человеком, чтобы влезть в эту древнюю рубашку религиозного оформления единства с Богом.

Да, надо сказать, в этой национальной одежде уже много дыр, но время не властно над сутью. Поэтому, когда приме-

ряешь её на себя, становится ясным то, какими и где должны быть недостающие фрагменты. Иными словами, надо быть на Вершине вершин, чтобы понять то, что русская речь в самом чистом её виде – это священный текст мощной единой целостной религиозной концепции, сообразной с естественным порядком вещей. Надо быть на этой единой для всего мира высоте, ведь с неё каждому открывается один и тот же вид на окружающую Вселенную, как в те далёкие времена, так и ныне, так и во веки веков.

Жизнь – это вершина бытия и живет спокойно только тот, кто на ней. То есть тот народ мог быть в согласии только пребывая на единой для всех самой высшей точке высоты. Это связано со страданиями, кои для славян были обыденностью спартанских условий быта (А.Ф.Лосев называет это мифом). Остается только самим подняться до высот и дошедшую до нас веру в виде фрагментарности изложения Истины восстановить в единую религиозную доктрину.

Исходя из этих суждений, ответим теперь на вопрос, который также важен для определения точки созерцания. Что есть красота? Представьте себе, что вы идете по дороге и встречаете своего давнего друга детства. С ним связаны лучшие годы вашей жизни. Вы не виделись много лет и теперь не можете наговориться от радости встречи. А теперь другой случай. Вы идете по этой же дороге и видите не своего давнего приятеля, а его тело или даже часть его тела. Не дай Бог нам никому такой встречи, ибо нас охватывает ужас. Теперь

мы не пожимаем эту ладонь и нет в нашей душе радости, но горе терзает нашу душу. То есть мы радуемся не телу и не какой-то части его, а тому, что заключено в этом теле – мы рады только живой душе, живой личности. Такова же природа познания всего и вся – нас в ней радует только личность и ничего более. Если мы смотрим на мир, на какое-то явление или событие, или на ближнего и узнаем в нем самого себя, свое отражение, то мы счастливы.

Хорошо сие показано в Священном Писании. Бог творит Адама и Адам произносит речь Богу. Потом Адам говорит слова Еве, жене своей. Перед нами межличностные отношения первого Семейства и ничего кроме этого и вне межличностных семейных отношений нет в бытии. Есть только Личности, общающиеся между собой опосредовано множественных понятийных языковых систем. То есть все остальное вокруг нас имеет бытие в пределах межличностных отношений и средством такого общения. В Писании сказано также о том, что Адам дает имена всему живому, ибо видел в них самого себя – видел личностные характерные черты. Ведь Сам Творец видит в человеке Самого Себя и входит в отношение с человеком, как с Самим Собой. В этом Его власть над человеком. Хорошо сие понимали древние первобытные люди, о чем свидетельствует нам археология, изучающая множественные памятники старины. К примеру, меня поразили один из рисунков наскальной живописи. Изображен мамонт, в голове коего находится маленький человечек. Древний ху-

дожник часто наблюдал за поведением этих величественных животных и он был поражен тем, что в их отношениях между собой много человеческого. Древний видел, как они между собой ладят, как ухаживают друг за другом, как совместно заботятся о детенышах, как спешат друг другу на помощь, как скорбят об утратах. Он смотрел на них и видел в них самого себя – личность. И потому думал, что в голове их сидит маленький человек. Виденье самого себя, то есть видеть личность в живом – это значит любить все то, в чем человек узнал себя. Он ко всему живому относится как к самому себе на равных, как к личности – только любовью, а потому все живое отвечает человеку взаимностью. Откликается любовью к нам. Это удостоило человека быть исполином на Земле. Хотя так тоже нельзя говорить, ибо исполином он уже пришел на Землю. Человеку, любящий все вокруг, смог одомашнить и приручить животный мир, окультурить растения. И ныне человек не изменил своему предназначению, ибо ученый смотрит во внутренний мир материи и пытается в нем, в его физических явлениях узнать самого себя. И если он вдруг видит характерные личностные черты, к примеру, в событиях ядерных процессов, он кричит от радости: «Эврика. Нашел! Нашел! Ура!». Человек теперь смог приручить даже материю. Ученого радует не материя, а то, что за ней стоит – Личность Творца. И вот она поднимается и начинает принимать образ личности все явственнее и явственнее. Человек теперь обращает свой взор даже в глубины морские

и глубины космоса и ищет там самого себя, чтобы любить и получить отклик взаимностью. Все вокруг нас есть жизнь и именно это и только это доказывают нам ученые, нашедшие даже в самых малых микронах бытия характерные для личности черты.

Итак, перед нами Личности и общение между ними. Каждое слово в их отношениях может иметь только одно выражение «я люблю тебя». Это есть связь и это есть условие бытия связи. Это «люблю тебя» принимает самые различные оттенки, даже если мы рассказываем о том, сколько стоит коровье масло в магазине. Этот смысл словосочетания «люблю тебя» заложен даже в самой малой микроне бытия, ибо всякая частица мира несет в себе отношение Личностей или является связью Их, или образом беседы Личностей между Собой. Это «люблю тебя» постоянно звучит в Семейных отношениях Предвечного Совета, причастником Коего через Христа стал человек. А потому в каждой микроне бытия мы видим это Триединство Бога Троицы. Прошлое-настоящее-будущее. Ширина-высота-длинна. И так далее. Нельзя как-то оставить в стороне и всякий научный анализ, произведение искусства, политическое требование или экономическую выгоду. То есть всякая самая продвинутая научная доктрина так и остается тем самым словом признания в любви одной личности другой. Это есть естественный порядок вещей и условие жизни вообще.

Но есть страшная опасность. Если мы в самой структуре

естественного порядка вещей поменяем что-то местами, то естественный порядок вещей становится инородным. Связь нарушается и все то, что связывало до этого, то меняет знак на противоположный, становится препоной. В сложных научных доктринах это сделать очень легко и сие останется не замеченным. И теперь слово любви превращается в слово иного смыслового наполнения – диаметрального. Это также как в той сказке, когда царю поднесли приказ о казни или помиловании бедняка. «Казнить нельзя помиловать» – где поставить запятую? Ничего не меняется в порядке слов, но меняется смысл на противоположный. Вот тут надо стоять за государственную безопасность страны и народа, и вообще всего мира на Земле.

С другой стороны, не все так однозначно. Летом 2019 года мне посчастливилось услышать простые гениальные мысли. Они были озвучены не профессорами или академиками, а простой школьницей из подмосковного города Чехова. Юная поэтесса отличалась не только красотой и белизной волос, но еще и умом. После моих речей она мне сказала: «Мы верим тем, кого любим». В моей трактовке это выглядит так: «Вы нам много тут интересного рассказываете и все как бы логически обосновано, научно. Но нам заложили в ум знания те, кого мы любим и они нас любят. Пусть там много лжи, но каждая реалья всегда имеет двоичность в смыслах, то есть двусмысленностью наделена даже откровенная ложь. А так как любовь видит только свое подобие, то и в откровенной

лжи мы найдем свой мостик в будущее». Просто и ясно. Любовью человек найдёт на абсолютно черном малые оттенки белого и руководствуется именно ими – он так хочет. Мне подумалось, к чему тогда я всю эту свою жизнь писал сие, ибо просто надо любить и просить любви у Бога, стать монахом и стяжать Благодать Духа Святого, все сильнее и сильнее углубляясь в стихию Божественной Любви, чтобы видеть пути жизни даже там, где её нет. А потом подумал и понял, что Русь должна стать понятной каждому человеку Земли. То есть надо делать научные открытия там, где они невозможны. А видеть путь жизни дает Бог только в одном случае, если ведём ими других. Вот такая Диана К. из города Чехова.

В этом же явлен стиль русского рукопашного боя – это такая речь любви одного другому в процессе поиска примирения с ним вот таким вот образом – поиск белого в черном. Во всякой брани один должен поддержать другого, помочь встать ему, если он упал, а потому идет бранью против тебя за помощью. Да так помочь, чтобы и самому не быть покалеченным. Вот тут начинается возрастание в силе ума и духа.

Жизнь – это Вершина бытия и вид, который открывается с неё единый, одинаковый для всех людей, оказавшихся на ней. И оный один и тот же, как в самые первые времена человечества, так и сегодня, так будет всегда. Поэтому человек, стоящий на этой Высоте в любую эпоху, ничего нового увидеть не мог, а потому нового не принесёт людям, но открыл только то, что оказалось хорошо забытым старым. По-

нятийный язык со временем постоянно меняется, а потому приходится постоянно перефразировать одну и ту же мысль. Иными словами, то, что выражали древнейшие космогонические мифы, позднее адаптировалось в философском наследии Древней Греции, потом уже эпизодически неполно явлено в богословских исканиях и философии Европы Средневековья. Ныне тот же самый открывшийся взору вид пытаются раскрыть учёные на понятийном языке научного анализа математики, физики и вообще всех наук. Но все осмысливаемое так и остается новой формой изложения того же самого вида, который зрел самый первый человек на Земле.

Вершина вершин имеет много имён и победа – одно из них. Так вот победа – это не довление одной личности над другой. Победа – это торжество жизни над смертью. Причем торжество над смертью радостью ребёнка, улыбкой младенца на руках матери. Весь мир торжествует над смертью только одним, радуясь весельем младенца. Это не пустые слова, а самый священный Закон бытия мироздания и каждой микрону его внутренней вселенной. Таково ещё одно имя Вершины вершин на актуальном формате миропонимания. Гениальные разработки в науке или верный тактический маневр в бою, или что-то там ещё сверх-сверх приложится само по себе, ибо везде надо видеть путь жизни в торжестве над смертью и идти по нему радуясь счастьем младенца. Только любовью можно видеть путь жизни в неизведанных мирах науки. Так и только так можно делать научные открытия,

принимать верные решения и этим миротворить общество. Иными словами, монархия с её августейшей Семейей – это не форма правления страной, а в чистом виде живой огонь лампы этой любви, образец господства жизни над смертью. Это и есть образ непобедимости Руси, это и есть полнота народной молитвы Богу и торжество жизни над смертью не жертвами самых сильных, а улыбкой младенца на руках матери. Ориентир всем, кто в брани, в бою, на фронте и так далее.

Такова суть национальной безопасности. Философия – это такое дышло, куда повернул туда и вышло. Так вот наша задача повернуть это дышло на укрепление государственной безопасности и конституционного строя. Видите, как юная леди повернула ракурс этих учений... . Такое бывает с нами стариками.

Вся история человечества до Рождества Христова – это возрастание в аскетике радости, что есть постепенное приготовление человечества к способности принять обещанного Спасителя мира. Ибо Им была привнесена в мир усилитель счастья и радости Благодать Духа Святого. Древняя славянская культура – не является исключением. А по этой причине, чтобы увидеть священный текст древних славян, чтобы понимать его и восстанавливать утраченные фрагменты, необходимо стоять на Вершине вершин и в открывшейся реальности жизненного пространства дорисовывать то, что затерлось временем. Повторяюсь, что открывающийся вид с неё

один и тот же, как в самые ранние времена, так и ныне. Так будет всегда, а потому священные тексты во все времена имеют один и тот же смысл. Причем на этой Вершине вершин надо стоять каждому поколению во все эпохи бытия народа. И вот тут мне бы хотелось обозначить самую важную мысль этой книги. Дело все в том, что всякое возрастание в аскетизме или подъем на Вершину вершин – это условие жизни любого народа и шло только радостью, что есть постепенное приготовление человечества к способности принять обещанного Спасителя мира. Этот путь неизбежно имел жесточайший естественный отбор, в котором выработан оптимальный склон подъема к Вершине вершин. В склоне нет излишней пологости и нет излишней крутизны. А вот этот момент имеет значение и упущения контроля в нём привело к трагедиям на русской Земле.

На рубеже смены Эр народы районов Севера жили естественной изоляции от цивилизованного мира. А так как климат Севера отличается ещё и своей суровостью, то высокий аскетизм жизни – это вынужденная реалья образа бытия северной цивилизации. Славянам жизненно важно постоянно жить в пределах высокой аскезы, её Вершины вершин, чтобы с её высоты каждую секунду созерцать верные пути-дороги жизни подъёма. Суровая природа ошибки не прощает. Таким образом, изоляция вкупе с консервацией морозами понуждали жить в строгой аскезе на протяжении почти всей истории без каких-то влияний на мировосприятие

извне. То, есть когда уже во всю шла проповедь о Христе, древние славяне имели ту первобытную обузданность духа, а потому особого контраста у веры славян по отношению к подвигам Христа нет. Зато есть у населения более южных широт. Мягкий климат и потому всё иначе, то есть много узаконенного извращения нравов, произошло свыкание с распущенностью. Пришествие Христа обусловило серьёзную ломку в сознании людей этих регионов, из-за чего было столько мучеников за веру.

Хотя, надо сказать, что вынужденный аскетизм с аскезой по зову сердца – не одно и то же. То есть аскетизм по зову сердца в южных районах был замечен сильнее. Сие также формирует национальный характер.

В современном мире после стольких лет гонений проповедь о Христе зазвучала с новой силой. Единственное, о чем верно подметил Иван Ильин, послы, коими оперируют люди современного общества, иные. Хотя проповедь очень часто продолжает звучать на понятийном языке, который понятен только людьми той древней эпохи. И, как следствие, имеем непонимание и последующее разочарование в вере. Мы хотим верить так, как это было естественно древним, но их вершину веры отделяет от нас не пологий удобный к восхождению склон, а отвесная стена, у подножья коей оказался современный мир. Теоретически можно на неё подняться и, может быть кому-то это удалось. Но для цивилизации такая постановка вопроса не приемлемая, ибо на вершине

должны быть даже дети. Конечно, появляются такие величайшие умы, как Лосев Алексей Фёдорович, Лосский Владимир Николаевич, отец Иоанн Меендорф. Они смогли сблизить древний образ мышления с современным. Но их понятийный язык научный, лишенный аллегоричности, свойственной мифу, также тяжело доступен. Они обсуждают эти темы для того, чтобы отразить нападки на веру, а не для того, чтобы помочь своему народу. Речь не идёт о чаяниях простолудина, а ведь именно он нуждается в первую очередь в пояснениях и в наглядности миропонимания, ибо он несёт подвиг и ему нужны духовные силы. Без ясности обзора перед собой, как жертвовать? Сможете ли сеять рожь в снег? Нет. Силы есть, а не можем, ибо разум отторгает этот подвиг. И также во всём. А между тем, эти вопросы имели значение не только в своей эпохе, но и всегда и, как следствие, хорошо разработаны у древних.

Обсудим то, что нас пугает в образе мышления людей далекого прошлого. Во-первых, древним было свойственно выражать Истину адаптировано к способности человека её усваивать. А ведь антропоморфное восприятие мира не потеряло своей актуальности даже в самых продвинутых теориях физики. Не будем изменять этому принципу и мы.

Итак, очень важно начать со следующего: для древних весь видимый и невидимый мир – это Царство Небесное, вотчина счастья, добра и радости только в любви. Бог создал мир только для того, чтобы было побольше ра-

дости. В Его замысле ничего не изменилось, а потому так и идёт с тех пор: вне счастья ничего нет. Остается только гармонично вписаться в Него. И, исходя из сказанного, эволюция живого всю историю бытия Вселенной – это как раз вот это и есть, это стремление естественным образом как можно лучше вписаться в суть естества окружающей природы – в мир Божественного счастья, сильнее стать частью Бога, насельником Царства Небесного. При чем не только духом и душой, но и телом. Иными словами, тело, как видимая составляющая души, также как и душа нуждается в том, чтобы быть во Царствии Небесном естественным природе тела и Царству Небесному образом вечности. (Надо произнести Имя Бога на понятийном языке телесности человека.) С одной стороны, тело сопряжено с молитвой души и говорит Богу слова так, как ему это природно свойственно и только этим специфически сложенным словом молитвы Богу тело уже на Земле живёт во Царстве Небесном, соотносясь Ему внутренними процессами в организме, уподобляя себя Ему в образе устройства физиологии, образе жизни, в образе процессов трудовой деятельности, в образе общественных отношений и их структурности, и во всех иных образах, кои имеют место быть во всех сферах бытия природы. Ведь вне образа Его ничего в мироздании быть не может, то есть всё то, что утратило образ Творца – ушло в небытие, осталось в прошлом, не прошло естественный отбор. Во всех этих сферах должно звучать

Имя Божье, чтобы верно Ему входить в сообразность.

То есть для древнего окружающий мир – это уже Царство Небесное, в которое надо как-то вписаться, то есть исключить всякое свое инородство ему, чтобы уверенно идти в будущее. В понимании древнего в будущее может пройти только самое возвышенное, самое сильное, самое чистое, самое светлое (замечаете, что все четыре свойства принадлежат или являются другими именами Вершины вершин). Бог к Себе в будущее не пускает падшее, слабое, низменное, темное, грязное. Всё это прошлым остается и поэтому мы об этом ничего не знаем. Настоящее – это такой раздел, в коем личность выбирает себе либо будущее и его вечность жизни, либо прошлое. Или, скажу иначе, что выживает тот, кто выбирает себе счастье. И вот этот выбор вечного счастья в будущем формирует образ радости и вечного счастья, чистоты, силы, высоты, и света. Подобное стремится к подобному, говорил Фалес. Надо быть подобным будущему, чтобы уподобиться ему в его радостной вечности. Понятно, что в озвученных мыслях (Иудаизм и древняя славянская вера тут идентичны и есть основания полагать, что Иудаизм – это перефразированная вера древних славян, но с очень пологим склоном возвышения к Вершине вершин) потихоньку проявляются первые очертания Христа.

Сие актуально не только для нас современных, но и для всех людей когда-то живших на планете, а потому все на-

роды шли к единому Полюсу. И вера древних – это эволюционный процесс наступления в этом направлении, попытка адекватно приобщить свое тело к деланию души. Физиология организма должна быть в сопряжении души и духу, к её молитвенному деланию, чтобы вписаться в созерцаемое телесными очами естество окружающего Божественного Рая. Вне счастья ничего в мироздании не может иметь бытие. После сказанного читателю должно стать понятным, что всё дальнейшее содержание книги посвящено исследованию этого вопроса (иное смысловое оформление национальной аскетики): как сберечь счастье в земных реалиях, благодаря коему появился на свет. Неизбежно, нам придётся переключаться на вопросы, кои оказались злободневными на текущий момент (но будем помнить, что сие актуально лишь только к текущему моменту и не более). Мысль постоянно перепрыгивает с одного на другое по мере востребованности. Читателю же необходимо отслеживать главную мысль, следовать в границах основного русла веры древних даже в наши дни, чтобы не утонуть в рутине множественных следствий.

Буду помогать читателю в этом. Если вы в тексте увидели три надстрочных звездочки (***) перед подчеркнутым и выделенным жирным курсивом текстом, то эта мысль относится к основному руслу в учениях древних – к послушанию детей у старшего рода (Иудаизм в современном чтении).

Природа человека

*****Род – это составляющая образа человека. Ещё один оттенок его природы, такая его физиология и даже грань полноты молитвы Богу или земной образ вечности жизни в Боге и Его радости. И это ещё не всё.**

*****Живое постоянным процессом развития и возрастания к Вершине вершин стремится к более и более совершенным формам подобия Творцу. Счастья всегда мало, а то, что есть, то всегда быстро приедается, а потому человеку (и всему живому за ним) естественно идти к большему, к увеличению «дозы» восторга радости. Только этим желанием ещё большего счастья обусловлено всякое возрастание и всякая эволюция. Единственное, надо чтобы возрастание шло не мимо куда-то, а точно в вечность, в бесконечность, коим является только и только Творец (такова природа трезвости жизни – нужно вернуться к Отцу своему). Пусть путь увеличения порции счастья никогда не заканчивается, то есть надо так выбрать маршрут движения. Этот момент ключевой в вере славян.**

Если тело по какой-то причине перестало быть составляющей Царства Небесного посредством молитвы своей телесности природы Богу (психикой, физической активностью и трудами в поте лица на служении Общему Делу Божьих людей), то оно из поддержки и помощницы душе превращается во врага, становится злом. Это как корпус корабля, который служит утверждению жизни во время плаванья далеко в море. Но если днище получило пробоину, то корпус

из утверждающего жизнь плавучего средства становится покушением на живое. То есть из добра тут же превращается в зло. Корабль будучи молитвой Богу, потеряв сообразность Ему в данной конкретике-специфике требуемого подобия Ему, превращается в грудку металла. И теперь, вместо утверждения жизни людей на поверхности океана, наоборот, тянет их ко дну.

*Прав тогда тут Тертулиан, когда говорил о том, что если душа тяготеет к телесному, то становится временной. Ну, а если к держится за дух, то обретает вечность. Но Тертулиан жил в Византии. У славян тело не тянет на дно души, то есть тело не обременение душе. Оно тоже молится Богу, активно физическим трудом в поте лица соучаствует в процессе общения души с Творцом. Тело для северного человека – это конь, несущий личность к Творцу, а люди Византии этого коня пытаются взвалить на плечи и тащить его на себе не так, как северяне. Это хвост змея, который не тянет назад голову, а наоборот призван в бытие, чтобы толкать ум вперёд, то есть толкает душу во Царство Небесное и, как видимая составляющая души, хвост-тело следует за душой к Богу. **Душа верно указывает путь телу точно в цель – в вечность.** У славян тело не пассивное, а активное в деле моления. Перед нами древнеславянское представление о Рае совсем иное – это продолжение трудов по спасению человеческих душ. Нет отдыха, а есть более всеобъемлющая динамика ратного труда. (После смерти те-*

ло для этого закапывают в землю, ибо теперь, толкающим душу к Богу, становится уже само мироздание. Коловрат души возрастает и теперь Коловрат телесный сменяется Коловратом Земли и далее всей Вселенной галактики.)

В этом случае, продолжая говорить иносказательно, надо срочно найти пробоину и залатать её, чтобы, вернув корпусу судна образ Божий в данной специфике, спасти корабль. В противном случае, от этого хлама надо срочно избавиться. И ведь человек, стараясь выжить, идет, к сожалению, именно этим путём избавления. Он начинает отторгать всё то, что тянет душу в бездну. А именно избавляет душу от тонущего собственного бывшего спасителя, отрубает душу от тела: принимает яд в самых различных вариациях проявления. Он отрубает тянущую на дно утопающую телесность с помощью алкоголя, всяких пристрастий и разного рода вожделения (дионисийские мистерии). Если наше тело не поднимает душу к Богу, соследуя за душой к Нему, тогда вообще от тела надо избавиться. Так легче. Но жизнь требует не логически верного выбора, а именно ориентации на победоносное «борение с пробоиной в днище», ибо эволюция природы оставила только такие формы жизни, кои смогли выстоять в образе Божьем выстояв и очистившись от зла, а именно тем, что заткнули эту дыру, а не отрубили то, через что смерть зацепила и тянет душу в бездну.

Теперь внесём ясность о природе Царства Небесного посредством сравнительного анализа. А именно акцентировать

внимание на том, чем Рай древних славян и арийцев отличается от представлений о нём в народах Византии. Это важно, ибо всё это передалось нам по эстафете поколений.

Рай

Для Византии рай всегда выражен в телесных удовольствиях. Это изысканная вкусная еда, игра плоти и сон. Славяне же получают кайф от того, что строят, создают картины, пишут музыку, занимаются наукой, покоряют океаны, лезут в космос. Совсем иная природа счастья. Причем подвижничество сие не самоцель, а стремление к большей полноте радости – мотивировано спасением людей. К примеру, они строят деревянную избу не для украшения и не для совершения оргий, а для спасения в холодное время года и для защиты от диких зверей. Следовательно, Царство Небесное для славянина – это образ Божий, постоянно пребывающего в процессе творения мира. ****Отец Небесный, Бог, творит мир для того, чтобы было больше радости и счастья.* (Нет смысла у этого бытия, нет какой-то выгоды, но пусть будет все хорошо и радостнее. Этим же самым и соответственно Творцу живет человек как на Небе, так и на Земле. Таким славяне представляют себе Бога и Он счастлив своим процессом творчества мира и поддержания радости. В принципе, здесь ответ на все остальные вопросы, кои когда-либо возникли в истории мира.)

Само по себе бытие музыки, живописи, архитектуры, зодчества, науки и так далее мотивировано высшей целью – это

всё вариации процесса дела спасения гибнущих душ, благодаря чему в обществе счастье ещё и от того, что достигнута цель спасения. Это-то и есть формы того самого борения за спасение душ, который в иных трактовках, как эстафету, перенял Христианский мир. Богородица и все святые не живут в праздности телесной неги, а радостью продолжают оставаться на острие атаки. Их нет в Раю в том понимании, в каком мы стали понимать последние столетия. То есть они опять там, где были при жизни, где много жатвы. И, по меткому замечанию святых отцов, даже всё Царство Небесное ликует о том, что душа принесла свое покаяние – вот какова природа счастья Царство Небесного. Она динамична в торжестве добра над злом в процессе борения, а потому зла для Него нет, ибо есть только рабочий процесс счастливой души поддерживающей и устраивающей счастье и радости. Надо только знать своё место в нём, естественное для личного счастья и для счастья всеобщего.

Для Византии мир строится как послевоенное довлениe победителя над побеждёнными. Для народов Севера – нет, ибо победа для них – это только начало служения покорённому народу. Отсюда это слово «славяне», то есть ясно говорящие. Почему? Дело мира надо осмыслить и, если любишь этот народ, то надо сказать ему Истину ясно и понятно на его родном языке, а не пользоваться его слабостью и не стараться удержать его в рабском невежестве посредством духовного кастрирования и непонятных текстов.

Приведу пример духовной кастрации. Оказывается, можно говорить правду и ничего о ней не сказать. Учение Маркса говорит нам о зле существующего порядка вещей в капитализме. Но молчит о том, каков естественный порядок вещей, то есть о добре ни слова. Капитализм – это зло, но ведь онный стал злом только потому, что оказался не на естественном для счастья людей месте. Его нельзя ломать, а вернуть в нормальное состояние общественных отношений. Сам факт, что возникло учение «Капитал» – это говорит о том, что дискомфорт радости имеет место быть, но не показывает нам саму радость, толкая к другому злу, называя деньги добром. Когда-то эти влиятельные люди капитализма были частью структуры. Когда ушёл фундамент, то отдельные фрагменты той структуры начали откалываться. Так возникло разобщение и из цельности единой системы отпочковались сообщества по специфике ведения бизнеса. Но естественный порядок вещей – это жизнь и никуда от него не денешься. Монархия так и остается основой бытия любого сообщества и, если что-то вычленилось крепко, то неизбежно возникал какой-то противовес, чтобы сохранить естественный монархический образ жизни. Появлялись всякого рода тайные сообщества, теневая экономика и так далее. В противном случае, государство рухнет из-за революционной ситуации.

Сей момент нужно выразить иносказательно. Легкоатлет вышел на беговую дорожку впервые. Подходит к нему

инструктор и делает наставления. Он назвал множество запретов поведения на дистанции во время бега (прообраз марксистов-ленинцев), но ничего не сказал о том, что надо делать. Подходит другой инструктор и говорит о том же самом иначе: «Видишь вывеску с надписью «Финиш»? Беги к ней как можно быстрее». Два инструктора говорят об одном и том же и при этом, говорят правду и желают добра. Видите, в чем разница ясноговорящих, от иного? Перед нами стоит задача стоя на Вершине вершин выразить то, что нам открылось на понятийном языке древних ясноговорящих людей.

Исходя из этого, нам предстаёт миролюбивый нрав древних славян. Почему в русской речи есть такие слова, кои образованы как смысловые синонимы? Почему есть слова, кои повторяют смысл, хотя в звучании нет сходства? К примеру, «лень» и «берег»? Всё просто. Эти слова родились в разных понятийных системах. Как могло одно и то же понятие получить разные формы речевого оформления? Да очень просто, их использовали разные народы. Как могло сие произойти? Если один народ поработил другой, то очевидно, что какая-то форма речевого оформления должна была бы кануть в летах. Но этого нет и слово осталось. Очевидно великое: порабощения или довления одного народа другим не было. Было слияние двух народов в деле борения со смертью. Ведь для того, чтобы прийти к общему мнению, чтобы сказать слово Истины на понятном языке соседнего на-

рода или поселения, необходимо сделать перевод. Благодаря этому происходит слияние двух наречий. Не уничтожение одного другим, а взаимное обогащение. Понимаете, какими были эти народы-завоеватели, ясно говорящие. Русская речь очень богата на смысловые синонимы только по одной причине – они помогали соседним народам в их священном деле торжества над смертью. Делились с ними опытом и народ становился тоже русским. Ныне также стоит задача победить смерть и потом торжествовать над ней. И опять сие надо сделать в том же образе, каким жили предки славян – надо совместить усилия для решения внутренних проблем, кои возникли в борьбе со смертью. А не так: свою распущенность узаконивать во имя справедливости грабежом и насилием над соседом или слаборазвитым народом.

Итак, представление о грядущей жизни после смерти формирует ценностный контент уже здесь на Земле и образ радости жизни в нём. Жизнь полна трудностей и преодолеть их можно только одним способом – жизнью во Царстве Небесном уже здесь на Земле, а затем перейти в тот мир в том же образе подвижничества радостью. И пред нами два понимания: одно – это вожделение в вечном отдыхе, а другое – это радость трудовых и ратных побед. Но на таком определении останавливаться нельзя, ибо труд по спасению (всякий труд завязан только на деле спасения) в славянской традиции древних совмещён с отдыхом, ибо просто отдых, хоть и является радостью, но остаётся неполнотой определения о

счастье для древнего северянина. Высокая динамика физического труда – необходимое условие для бытия организма, его физиологическая потребность, кою следует направить в верном направлении (ведь движение само по себе – это ещё не всё, ибо нужна осмысленность и цель).

Для людей Средиземноморья той эпохи от жизни надо брать всё прямо сейчас, ибо загробной жизни нет. Отсюда все вытекающие. Дело в том, что в обществе все сразу жить в удовольствии не могут из-за ограниченности пространства. Кто-то обязательно нарушит границы спокойствия ближнего или всем не влезет в ограниченном пространстве. Более того, в Византии нарушение границ друг друга – норма. И даже сие становится целой наукой, благодаря коей одни живут в рабстве у других. Отсюда же работорговля. Отсюда эти постоянные гражданские войны за переделы зон влияния. Для северян же жизнь в Раю начинается на Земле, причем в том образе, в каком они видят себя после смерти – надо получать радость не от торжества сильного над слабым в усадениях плоти, а торжеством над смертью. Из этого понимания о мире следуют принципы служения ближнему, надо иметь счастье от исполнения своего долга по защите ближнего. Причем тяжести жизни должны быть на своем месте, а именно только ещё более усиливающим активатором счастья – важное условие. Чем сильнее тяжесть, тем сильнее исходит от него стимуляция радости. А если мы вспомним, что всё вокруг имеет бытие только как утверждение счастья и радости,

то бездна, как абсолют тяжести жизни, имеет смысл бытия только как активатор радости и счастья в абсолютной полноте. Вне этого бездны нет. Славяне, проживая в столь тяжелых условиях климата, были более полно счастливы. То есть их образ жизни был ближе к полноте счастья Вселенной из-за более сильного влияния бездны холодом, а потому они более плодотворны на богословские теории, кои потом перешли в Африку и в земли современной Индии. Человечество возникло на Земле только в радости и в её законах самоутверждения, а суровый климат оказался консервантом этого миропонимания. (Население близкое к экватору оказалось брошенным в самую гущу зла и искушений, безнаказанности произвола суровостью климата.) Византия недостаток полноты пытается восполнить созерцанием зрелищ гладиаторских боёв и кровавых жертвоприношений. Хотя и животная, но все равно радость, с её желанным пленом. А Север уже живет в этой полноте и даже пытается идти дальше, где жизнь вообще невозможна: на Северный Полюс, в космос, в глубины океанов, в пустыни.

Если человек не счастлив из-за тяжести нагрузок, то ему надо срочно помочь найти счастье или вообще освободить от труда, ибо можно травмировать. Ему надо окрепнуть. Тут тоже возникает учение, кое призвано осчастливить человека исходя из тех посылов, в плену коих он оказался. Надо довершить картину образа выражения Вершины вершин согласно Коловрату.

Для Византии решение проблем идёт минимумом затрат и полным отсутствием беспокойства: «... есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем», «... царствуй лёжа на боку...», «кулачество – враг народа, ибо одни отдыхают несправедливо больше других».

Для народов Севера всё иначе, ибо спорные вопросы решаются сообразно пониманию о Рае – трудами в поте лица. (Это чашка лежащая на полу хоть и зло, но её нельзя разбивать за это, а просто поднять, помыть и поставить на своё место. То есть порядок надо в поте лица делать добром.)

Природа Царства Небесного славян.

Вне исповеди о Творце ничего в мире иметь бытие не способно. Материя – это такая сфера бытия, которая специфично свидетельствует о Боге. На своем понятийном языке природы материя дает своё уникально сложенное имя Богу – постоянство. Что можно взять за абсолют покоя? В границах этого понятия возникает целый спектр характерных ему определений. Некоторые надо озвучить здесь.

Очевидно, что человек всегда стремится к большему, к большей радости. Тогда получается, что он успокоиться может только и только в обладании бесконечного абсолюта счастья. Вне Абсолюта каждый из нас ненасытен, то есть будет искать большее и большее счастье. То есть покоем в абсолюте можно назвать самую наивысшую, бесконечную экзальтацию радости. Иными словами, нет такого раздела, в пределах коего заканчивается злое и начинается доброе, ибо

добра всегда мало и в то же время оно везде есть (даже в самых крайних уголках бездны существует добро, исходящее из Царства Небесного, благодаря чему бездна оказывается Его составляющей). Есть только высшая точка экзальтации счастья, абсолю́т добра и всё то, что ниже оной.

То есть речь идёт наступлении на бездну в любом случае и при любых самых страшных формах несчастья. То есть речь идёт только об одном – об активации Источника счастья, благодаря чему даже бездна, несущее только зло, оказывается составляющей Царства Небесного. Бездна, хотя и является самым нижним уровнем от Вершины вершин, но всё равно получает сообразность Вершине вершин согласно своему специфическому естеству природы.

Влияние Творца на природу всегда организующее в Его подобие. Под Его действием мир сообразуется Ему во всем и в первую очередь в радости. Исходя из этого, важно ответить на вопрос о том, что такое экстаз в самом высшем его проявлении? Приходится прибегать к такому формату мышления, ибо всем известно что такое телесная радость в близости любящих супруги и супруга на брачном ложе. Зато наглядность восприятия есть. Чем больше природы оказывается в поле досягаемости Его, тем больше её оказывается задействованным в формировании Божественного Образа в радости – в том же числе. Поэтому происходит отделение семени, ибо так сообразно Творцу, Его жертвенному служению. Это такая Его природа, в коей жертвенность – естественное. То

есть семя выходит в радости и потому радостью является, ибо подобное рождает своё же подобие. Счастье родит только счастье.

Природа, попав под влияние Бога, неизбежно тут же сорганизуется с Ним в образе Его и в подобии Ему (хотя в области досягаемости Ему остаётся всё и вся). Чем больше охват природы Богом, тем больше сообразуется Ему в радости, тем больше счастья переживает человек. Вот и вся природа экстаза, ибо в теле человеческого соединяются две диаметрально противоположные крайности контрастности его природы организма. Абсолют экстаза Царства Небесного обусловлен этим же: абсолютно далёкой крайности бездны, благодаря чему сильнее контраст. Говоря проще, Царство Небесное включает в Себя все мироздание до бесконечности, благодаря чему мир – это радость в абсолюте. Человек сообразуется этому, когда несёт Божественное в самые далёкие уголки бытия и получает экстаз от большего охвата преображения природы в Боге. Этим он становится частью («счастье» от слова «часть») Царства Небесного уже здесь на Земле, уже при земной жизни. И чем больше охват природы, тем ярче переживаемое человеком состояние экстаза. Супружеская близость в отношениях любящих мужа и жены в данном случае является ничтожно малым оттенком, ибо в ней соединяется высшая крайняя человеческой природы с низшей. В обоих в момент супружеской близости происходит именно это – самая низменная составляющая природы сообразуется с высшей. Сообразуясь духу

и любви телесность переживает радость. Так как *** *только счастье и радость имеет вечность*, то телесная радость, возникающая в близости любящих сердец, порождает свое подобие – вечность радости. Вся полнота радости всегда плодотворна данью большей полноте – вечности, то есть явлением ещё одной грани счастья – вечности. То есть происходит зачатие новой жизни, как продолжение рода, как образ вечной радости на Земле.

После воспаления грехом Сам Бог устанавливает способ бытия человека в прежнем абсолютном счастье Царства Небесного, коим он был до отпадения – речь идёт о том же самом образе радости, но уже в ином выражении, кои мы почему-то называем страданиями, хотя для боли и мучений в этом мире ничего не создано и не могло возникнуть. *Возрастание всегда сопровождается болью, но болью оное становится лишь в одном случае – если рост идёт мимо, то есть не по пути к образу Бога и подобию Ему.* К примеру, из-за бессмысленности страданий. Ведь Бог Сам есть Источник счастья в самой высшей абсолютной экзальтации, а потому, как любящий Отец Небесный, не может пожелать человеку страданий и мучений, но только то, что Ему Самому, как Абсолюту счастья, естественно. Ведь подобное рождает только подобие себе.

Для наглядности об этом можно сказать иначе: некий муж стоял на берегу и радовался теплой погоде и ясному Солнцу. Предположим, что он оказался в глубокой воде реки и

тонет. И вот некто стоит на суше и говорит ему, чтобы он делал определенный набор движений руками и ногами в воде. Теперь ему, чтобы, как оставаться собой, радоваться сияющему Солнышку, чтобы дышать полной грудью свежим воздухом и, чтобы видеть мир в его красках, надо держаться на плаву. Так вот этот некто делает назидание ему о том, как работать руками и ногами не для того, чтобы наказать заслушание и не для того, чтобы отомстить за произвол или утерю бдительности. Он хочет, чтобы человек жил и даже в таком в падшем своём положении оставался насельником Царства Небесного, как и до падения в «воду». Он хочет спасения человеку только счастьем, а не силой воли и духа. То есть, физическая активность в воде – это не мука, а способ продолжать оставаться тем же счастьем в Раю и его радости. (Страданиями и мучениями становится всё в этом бытии, если возрастание идет не к Его образу и подобию. Вне Его бытия, даже Рай превращается в ад.) Вот о чём говорит нам Священное Писание в Книге Бытие.

И как здесь увидеть славянина себя? Дело в том, что течение воды в реке бывает разное. Либо очень быстрое, либо медленное. Условие для счастья же одно и то же – берег. Во всех случаях один и тот же человек с одними и теми же требованиями радости, как в стоячей воде, так и в течении её. Одна природа, но течение разное. Чем тяжелее и страшнее битва, тем слаще в ней победа. Чем быстрее течение вод, тем сильнее контраст и тем ярче виден Бог.

А если минимизировать до нуля все контрасты, то и картина мира выпадает из бытия счастья. Также как, если минимизировать контраст красок белому листу бумаги, то написанную этими красками картину не разглядеть, не распознать органами осязания. Можно сказать иначе, страдания нам даны для того, чтобы отчетливее видеть Бога, то есть отчетливее видеть Абсолют счастья и потому сильнее к Нему приобщиться экстазом.

Итак, абсолют счастья Царства Небесного включает бесконечно много сообразующейся Богу природы. Выше этой экзальтации счастья, в коей Он Сам пребывает, ничего нет во Вселенной. Но человек, хотя и воспален первородным грехом, но чтобы жить, ему надо продолжать радоваться той же полнотой бесконечности счастья, коим обладал до грехопадения. И вот тут необходимо притормозить в суждениях. Ибо человек до грехопадения и после него – природой счастья только тот же самый, а телесно – нет, он иной. Теперь можно приобщением ко всей полноте Божественного навредить образу Божьему в данной реалии воспаления грехом. Так вот Он, Бог, Сам устанавливает меру и границу человеческого счастья, кои соизмеримы с природными возможностями воспаленного грехом человеческого организма, с возможностями терпеть нагрузки телом, воспалённым грехом. Природа людей воспалена первородным грехом, а потому не может вместить Божественное сразу, но в то же время, опять повторяюсь, вне прежней полноты Его присутствия, вне

той же полноты бесконечной радости Царства Небесного нет жизни. Как одно соединить с другим? (Это самый важный вопрос для человечества и вопрос аскетики.)

Вся природа Божественного счастья теперь растягивается во времени, чтобы вся полнота Божественного вошла в природу людей не вся сразу, как это было естественно до грехопадения, а постепенно малыми частицами и строгим соблюдением очерёдности приоритетов. Вся радость Творца и вся радость Его Царства Небесного входит в нас очень дозировано, удобными малыми порциями, чтобы израненная грехом природа людей не оказалось поврежденной переизбытком. Хоть и дозировано, хоть и порциями малыми, но лишь бы вся и полностью. Вот откуда Его: только физический труд в поте лица и деторождение в муках. Труд в поте лица и муки при рождении младенца – земная мера радости и счастья. Трудно это понять. Просто все невзгоды земного существования естественно пройти человеку не благодаря суперсистеме, не благодаря особым умственным способностям, не благодаря физическим достоинствам, а благодаря *только радости Благодати Духа Святого*. Именно по этой причине в древнем языке славян слова «радость» и «род» оказались смысловыми синонимами, ибо это было учением священных текстов.

Интересно подметить то, на чем осмотрительно акцентируют наше внимание авторы святого Евангелия. На Тайной Вечери Иисус разделил хлебы между учениками, чтобы

они вкусили и ели. Каждый рукой тянется в солонку и пальцами берёт из неё соли малую щепотку. Все кроме Спасителя и ... Иуды Искарота. Они макают в солонку свой хлеб. На что Христос отвечает: «Макающий со Мной в солонку меня предаст». Почему же этот эпизод был зафиксирован в Священном Писании? Дело всё в том, что соль – это страдания именно в том прообразе, в каком сказано в предыдущем абзаце. Но для мучения в этом бытии ничего не возникает и не имеет смысла. Каждому дана радость по силам и по физическим возможностям их переносить и соизмеримо со своими силами надо её брать на себя. Это ясно понимают все ученики и Сам Спаситель. Брать на себя то, что по силам только Богу – это грех. Как раз по теме нашего обсуждения.

Но, скажите, для чего Бог не уничтожает бездну, как абсолют и источник зла? Да потому, чтобы усилить переживание счастья и радости. Только Богу естественно быть в таком абсолюте счастья, коему мы сильнее сообразуемся, когда оказались вынужденными много работать в тяготах. Самое главное в этот момент нести в себе Бога. Надо познать себя, чтобы познать Бога.

Представьте себе, что перед нами источник высокого напряжения. Чтобы подойти к нему нельзя делать широкие шаги, ибо возникшая разность потенциалов электрических зарядов между двумя шагами убивает текущим в организме разрядом электрического тока. Надо уменьшить «дозу», то

есть надо делать маленькие шажочки при движении к источнику. Также и природа человека, воспалённая грехом, опасно может вместить в себя только малую дозу радости в сближении к Богу, то есть надо двигаться к Нему постепенно малыми порциями сближения. То есть, чтобы продолжить свой род и этим жить вечно, необходимо радость Бога вместить в себя очень дозировано.

Так вот, когда речь заходит об эволюции, то имеется в виду только вот это – способность вместить в себя больше счастья, «расширяя шаг при движении к Богу». Физический труд в тяжелых условиях Севера – это значит, что охват природы для сообразности Богу более широкий, чем у южан: нижняя граница в образе жизни северного человека ближе к бездне. То есть северный больше вмещает в себя природы Его радости, ибо при таком образе жизни сильнее контрастность, «сильнее разность потенциалов». Человек ищет большее счастье.

Это очень важно для понимания сути веры древних славян. В присутствии Творца бездна, как абсолют зла, усиливает до абсолюта переживание высшей экзальтации счастья во всех смыслах. С одной стороны, мы боимся взять на себя без меры много. И наоборот, боимся Его отсутствия. Ибо, если Его присутствия нет, то все с точностью до наоборот: вся злоба мира просто уничтожит всё живое. Мы боимся бездну только из-за её влияния без присутствия Творца. Без Него всё вокруг восстает на нас и познаем сие опытно. Такой путь

жизни по золотой середине между крайностями абсолютно черного и абсолютно белого.

Вообще, мы почему-то не задумываемся над тем, что работа работе рознь. К одному виду деятельности мы привыкнуть даже не можем, хотя она иной раз легкая. А на другое сами лезем, хотя там тяжело и большие расход калорий (брачное ложе). Один труд для нас – это праздник, а другой – ад. Так вот наука аскеза – это как раз об этом: как тяжёлый труд сделать радостным. Как труд землекопа сделать таким же приятным, как дыхание, прием пищи или иное? А ведь без этого счастья само понятие землекоп не появилось бы в реалии Вселенной. Всё родилось и утверждается только высшей экзальтацией экстаза. Ничего нет вне этого. Вне «кайфа», прости меня Боже за это слово, ничего не рождается в бытии. Вернуть народ к этому – спасти его, освободить его. С этим шёл русский везде. Вне этого понимания нет Церкви.

Подведём промежуточные выводы

Всякая Боль исходит от отсутствия Бога в душе и усиливается во время трудов в поте лица. Природа лени в том, чтобы минимизировать боль, ибо физическая нагрузка усиливает её (это как деньги, кои лучше не тратить на бессмысленное, ибо тратить на бесполезное приносит расстройство душевное). И наоборот, если Бог в душе, то муки и страдания усиливают уже переживаемый экстаз, в коем и муки, и страдания уже таковыми не являются (ибо есть прибыль

денег, к примеру). Человек, «преодолев вкусовой барьер», становится пленником данного пути к радости и народ ставит его впереди себя, чтобы идти за ним. Подобное рождает только своё подобие, а потому возбуждение радости бытия может породить только радость бытия. Если душа не в Боге, не в Его радости, то возмущение порождает подобие уже другое – порождает только отсутствие радости бытия – настоящее зло и мучения. Сама по себе физическая боль – ничто, ибо люди в болезнях живут всю жизнь и болея хотят прожить ещё тысячу лет. Настоящая боль в душе, ибо с ней невозможно жить и часа. Иными словами, возмущение – это такой катализатор, который обнажает наше отношение с Творцом: либо дает ещё большую радость жизни, либо усиливает печаль и страдания. Если человек постоянно пребывает в единстве с Богом, то тяжелый физический труд или тяжелые условия жизни наоборот усиливают экстаз, ещё более сильно сообразуясь этим с Абсолютом счастья Царства Небесного. Тело жаждет большего экстаза, а потому идёт туда, где ему лучше и радостнее, даже если речь идёт о разрушении собственного здоровья. Почему? Потому, что сие более сообразно тому, что у Царствия Небесного границы между крайностями естественных противоположностей абсолютно далеко раздвинуты, а тяжелый физический труд и тяжелейшие условия жизни в большем подобии именно этому положению вещей, крайности более сильно раздвинуты.

В присутствии Творца Рай включает в Себя абсолютно

далекие крайности бездны (разность потенциалов абсолютная). Чем сильнее контраст, тем ярче переживаемая радость. Ведь преисподняя в присутствии Бога перестает быть адом. Экстаз – это не выход из себя, а наоборот схождение Сущности Творца в глубины нашей Вселенной через душу человека, благодаря чему глубины соотнобразуются с Богом. Просыпается то, что в нас спало и при этом просыпается как новая соотнобразность Божественного, то есть Его радости. Такова природа яркого переживания радости и телесной – в том же числе. А если нет единства души с Ним, то даже отсутствие тяжестей бытия наоборот становятся усилителем внутреннего дискомфорта и человек получает травму психики. (Повторюсь ещё раз, что человек ленится потому, что сие есть нормальная защитная реакция на то, чтобы уменьшить травму психики из-за отсутствия единства с Ним.) После чего ему нужно восстановление, заживление возникших ран – такова природа отдыха. (Если все правильно соцентрировать, то отдых перемежается с физическими нагрузками, ибо физические нагрузки перестают мешать отдыху, но подстраиваются под его безмятежность и соотнобразуются с ним. Так просыпается неизвестная до сего составляющая нашу природу и просыпается она не как боль, а как ещё одна грань радости, пленником чего становится человек и его ставят во главе, чтобы идти за ним соотнобразуясь ему в том же.)

Таким вот образом, если душа находится в Абсолюте радости бытия, то всё то, что является злом, на самом-то деле,

становится активатором счастья или стимулирует очередной раз ту грань природы человека, которая едина с бесконечной радостью этого бытия. То есть оно становится злом лишь в одном случае, если произошла активация иного, так как душа в тот момент не была в Боге, из-за чего душа ещё сильнее от Него удалась. Это всё сказанное – теоретическое обоснование, столь нужное нам, когда будем обсуждать природу экстаза во время физических нагрузок и перейдём к практике.

Можно сравнить сие ещё и с рисунком на белом холсте. Если рисовали только белыми красками, то нет контраста и рисунок не воспринимается, хотя оный есть. А если на белом рисовали чёрным, то мы уже можем любоваться своим портретом, ибо разные оттенки черного очень выразительно отражают уже малые тонкости нашего портрета.

Итак, тяжелейший физический труд оказался такой составляющей, коя усиливает счастье при соблюдении одного условия, если труженик держит в душе Бога. Только лишь в этом случае, чем страшнее нагрузки, тем ярче переживаемый человеком экстаз, пленником коего становится тот, если хоть раз его испытал. И надо сказать, что какой-то альтернативы этой радости нет, ибо нет альтернативы Богу. Потому и желаннее этой радости нет ничего.

Для чего уделил столько внимания этому разбору определения о счастье человека? Хочу показать то, каким должен быть народ, чтобы создавать такие выдающиеся учения, кои

в своё время поработили весь цивилизованный мир. Их авторитет был усилен естественным желанием людей жить в мире и согласии. Именно по этой причине узнаем свой лик в религиях древней Египетской цивилизации, в древней Индии и, как следствие, в тех мировых религиозных системах, кои родились на этой почве: Иудаизм, Буддизм, Христианство.

Дальнейшие суждения будут адекватными, если дадим определение природе познания. Что такое познание? На самом деле ответ на такие вопросы имеет приоритетное значение, ведь тайну космогонии древних без этого понимания не раскрыть. Представьте себе, что перед вами свежее яблоко. Оно без повреждений может пролежать очень долго. Можно сказать, что относительно вечно (несколько месяцев назовём относительной вечностью) и гниль не коснётся его, если мы будем его хранить в хороших условиях и не нарушим защитный слой клетчатки мякоти. Нет распада продукта – для нас сие пустота. Давайте предположим, что мы познаём мир только через одно чувство (не слышим, не видим, не можем ощутить запах и так далее) – можем познать только и только через вкус. То есть, допустим, что мы познаем мир в следующем срезе мироздания: есть вкус – есть предмет; нет вкуса – нет предмета. Все иные формы чувствования не ведомы нам. Это удобно, чтобы не смешивать одно с другим, ибо все виды или способы познания схожи: от нервных окончаний идёт сигнал по нервным каналам в один и тот же мозговой

центр сбора информации. Иными словами, природа познания везде одна и та же. Различны только образы этой природы. Так вот, в таком вот виде свежее цельное, не тронутое яблоко для организма является пустотой. То есть его нет, ибо органам чувств для распознавания нужна активация нервных окончаний, распознающих вкус выделившегося фруктового сока. Нет возбуждения их – нет предмета для нас, ибо мы его не чувствуем. Мы его вкус «не видим» и потому не можем знать, что он есть – оный для нас пустота.

Кроме специфически явленной пустоты, надо дать ещё одно имя такому состоянию спелого фрукта: если яблоко цельное, то оное живое. То есть не выделяет соки жизни и не активируют чувственную природу вкуса и борется с микроорганизмами, пытающимися проникнуть через кожуру. Итак, цельность – это иное имя жизни и в данном срезе мировосприятия это ещё один образ Божий (также как образом Божиим является цельность днища в корпусе плывущего вдаль корабля).

А теперь, если мы сделали надкус, то с этого момента клетчатка выделяет сок и мы понимаем, что перед нами был фрукт с названием яблоко. Только теперь это уже не яблоко, а то, что им было, огрызок, ибо оный начал отмирать, перестал противостоять микроорганизмам. Относительная вечность фрукта сменилась временностью перехода из цельности к жалким останцам огрызка. Выделившийся сок привел в возбуждение наши органы чувств и мы понимаем, что пе-

ред нами продукт питания, распознаём яблоко. До этого момента перед нами пустота. Да, это пустота, но сие никак не значит, что яблока нет в природе. Это также как зерна пшеницы, если не раздроблены работой челюстей, то и не перевариваются. Пищеварение не властно над цельным семенем, а потому оное без последствий проходит через всю пищеварительную систему животного и потом выведенное из организма оказывается в благоприятных условиях естественного удобрения и дает всходы. (Жизнь переламинает всех, но претерпевший до конца спасется – надо быть там, где нет переламинающих челюстей.)

То есть, что такое познание? Чтобы познать, нужно умертвить, произвести разрушение. Чтобы узнать, как работает трактор, надо его разобрать; чтобы узнать, как устроено строение организма, надо проникнуть в его утробу, то есть умертвить животное; чтобы узнать, как устроен мир, надо проникнуть в его нутро и так далее. Познание живого невозможно, ибо оное есть для органов чувств чувственная пустота, то есть оное должно умереть. Оное есть только для души, как уникальное явление красоты, оттенок характерный личности и общении с живым. Такова природа познания, в коей мы видим только то, что оказалось в процессе распада. Нет разрушения – нет познания. Палка из положения вертикального равновесия начала падение – мы понимаем, что было первоначально равновесие по вертикали. Если палка не падает, то законы кинематики её «не видят», ибо она им в со-

стоянии равновесия не подчиняется. А точнее подчиняется, но весь функционал кинематического корпуса сведён к нулю, в границах коего нам даже не понятно, что именно перед нами. А может быть это не палка совсем.

Этот межзвездный вакуум представлен чувственной пустотой, но на самом-то деле, не пустота, а живое тело, в коем всюду клокочет бурливая динамика прекрасного – не тронутая жизнь. Как только эта пустота разрушается, так сразу предстаёт перед нами как чувственно распознаваемая реальность – мы видим Звезду. Ведь на Солнце, как раз идут процессы распада. Также как и на всех звездах вселенной. Причем сам по себе распад – это реальность. Мы видим (распознаем) эти материальные вещи только потому, что в них тоже идут процессы разложения атомов на составляющие (хотя и медленное), из-за чего возникает этот радиоактивный фон.

Таким образом, пустота (личностный оттенок центра всей природы, ибо, как мы выяснили пустотой сие является только лишь в одном случае, если «яблоко» живое, то есть может бороться с микроорганизмами) заявляет о себе только в деле (эн + ерго = в деле). А так-то пустота – это такое характерное для жизни и в данном срезе мировосприятия имя спящего исполина. (Вот тут можно сделать научное открытие, о котором ныне спорят физики.) Онный может проснуться и мы узнаем о нём в делах его. Перед нами ещё одно определение об энергии. Но исполин в деле и он же на отдыхе – это одна и та же, то есть живая личность. Просто смертью мы назы-

ваем перемену форм: была одна форма, когда он спал, а потом она умерла и появилась другая, и вообще он начал какие-то передвижения. Энергия переходит из одного состояния в другое, оставаясь той же и при этом она вечна. То есть под словом «Вселенная», то есть «всё есть лень», древние вкладывали очень глубокое учение – это всё есть сон, от которого пробуждается исполин (Звезда). Таким вот образом, рассуждая о природе познания, мы раскрыли азы древней веры славян. Ведь перед нами очевидна идея, коя раскрывается смысловыми синонимами, пришедшими в современность из древности. Но нам важно заметить, что чувственное познание – это только лишь сфера человеческого мировосприятия, причем одна из множеств.

Свои суждения мы перевели в область антропоморфности научного анализа не случайно. Почему? Всё дело в том, что наука должна нести радость. Так как нам, кроме радости телесной (оргазма) во время супружеской близости ничего не известно, то очень сложно понять цель веры. А между тем мир един и законы счастья в нём идентичны во всех оттенках, во всех гранях, во всех проявлениях, во всех сферах мироздания. Хоть речь идёт о ничтожности радости изменной природы телесности, принцип её проявления одинаковый везде, но в иных масштабах. В Исламе, когда говорится о радости Рая, то пытаются отталкиваться от того опыта переживания радости, который наиболее известен. То есть этому хоть и опыту быть в ничтожно мизерном счастье, как семе-

ни, необходимо дать плодородную землю и получить всходы там, где мир более насыщен и бесконечен. Раскрыв его природу спроецировать или перенести образ на все сферы человеческой жизни. Это нормально и в духе древних верований славян. Не зря они строили могильники в виде женских половых органов, во чреве коих должен родиться целый новый мир. Более того, мы ниже рассмотрим, что половые отношения проецировались на все сферы бытия Вселенной. Так человек объяснял происходящее.

Исходя из всего сказанного природа познания имеет два полюса. Если мы, познавая, увидели Бога, то есть раскрыли Его новые спящие в нас грани, то испытываем экстаз, разнообразность коему имеют межличностные отношения любящих друг друга мужа и жены. Если мы, Его не увидели, то мир для нас мертвый и получаем травму психики, с которой жить невозможно. Если мы не увидели Бога, то из двух вариантов, нам открывается только второй: увидели руины после разрушения. Если мы увидели жизнь, то счастливы. Если мы увидели смерть, то получаем удар и уныние от созерцания безысходности финала.

Есть и другие сферы нашего мировосприятия, нуждающиеся в том, чтобы в пределах их сферы природы говорить о Боге и делать мир естественным для жизни, счастьем – это логика.

То, что палка была в равновесии, мы узнаём благодаря процессу её падения. Ибо включаются законы механики –

это законы смерти, естественные для процесса отмирания. ИТАК, ЛОГИКА ИМЕЕТ ВАЛСТЬ ТОЛЬКО НАД ТЕМ, ЧТО УЖЕ НЕ ИМЕЕТ ЖИЗНИ в пределах подчиняется мертвым законам: есть живое – есть проблемы, а потому логичнее от проблем избавиться вовсе, вместе с источником их. (Такова природа атеизма.) А вот Законы Царства Небесного иные, инородные логике. Живая палка наоборот стремится вернуться в исходное положение вертикали, тянется к небу. Или применительно к яблоку, то фрукт набирает вес и спеет. Ведь сообразно этому наш организм в постоянном борении, стремится удержать состояние равновесия своего здоровья. Если болезнь выводит здоровье из равновесия и склоняет к логически верному (какой смысл расти, если опять будет в земле), то живое возвращает (стоять и радоваться). Перед нами уже не просто пустота, не поддающаяся познанию, но и не поддается пониманию. А ведь сие уже есть оттенок вожделенного счастья. Представьте себе младенец начал делать первые шаги – родители счастливы. Ребёнок споткнулся и силы притяжения сделали свое дело – он упал. Логика сработала. Но вот он поднимается вновь и мы уже счастливы. Младенец победил смерть – УРА. Для чего привожу этот пример? Здесь наглядно видно то, что пустота динамична. Ребёнок поднимается, растёт, стремится и хочет жить – не поддается логике, то есть “логически распознаваемая пустота, в коей законы механики (разрушения) не работают”. Зато происходит активация счастья. Счастье не име-

ет ограниченности, если остается в пределах данного образа пустоты. И ведь его всегда мало, и всегда хочется большего – так пусть все будет. Мы не хотим утрат, пусть все будет всегда. Не надо никаких взрывов и распадов, пусть все будет пустотой чувственного познания. Таков мир межзвёздного пространства космического вакуума – он пуст только по одной причине, что полон радости Царства Небесного в том виде, в каком оно держит равновесие от разрушения или поднимает, восстанавливает его. Итак, пустота или чувственная бесчувственность – фундамент радости и счастья. И опять же только лишь фундамент. Это земля, на которой имеют возможность расти цветы. Когда речь зайдёт о Благодати Духа Святого, то мы будем принимать иную сферу жизни, её бесконечной радости и счастья.

Всё это выше сказанное надо проговаривать, ибо из этих элементов складывается наше верное представление о вере не только древних, но современных людей. Исходя из этих позиций и созерцая мир через эту призму, мы накладываем этот озвученный “шаблон” на русский образ жизни, культуру и русскую речь и видим то, что попало в наше поле зрения и перед нами восстает очертание из созерцаемых руин тысячелетий Исполин древней веры славян.

Итак, мы узнали природу познания и осознали, что она, как форма познания, является порождением грехопадения человечества. Когда-то мы были частью бесконечной пустоты Вселенной, но грехопадением мы видим только то, что по-

добно нам самим – разрушенное и ничтожно малое. О личности мы узнаем только общением с пустотой и сообразуясь с ней в образах выздоравливаем.

Православное богослужение, литургия, начинается с самого первого возгласа священнослужителя: “Благословенно Царство Отца и Сына, и Святаго Духа.” Хор: “Аминь”. Мне думается, что этим обозначается самый главный посыл: всё есть Царство Небесное. И теперь, всё богослужение повествует нам Евангелие, земную жизнь Иисуса Христа до Самого Его Воскресения. Нам показан единственный путь вхождения во Царство Небесное, который имеет множество вариаций земного выражения. Сколько людей, столько и вариантов одного и того же пути. Каждый путь – это целый опыт жизни, выраженный в его личное миропонимание, но опять же только в пределах образа восхождения на Голгофу Иисуса Христа, Сына Божьего. Такова жизнь, в коей мы можем идти только теми дорогами, кои вписываются в естество природы живого. Вершина вершин одна, а склонов множество. Множество вариаций восхождения на эту Вершину – к Богу, к абсолюту экзальтации счастья. И нам этот путь указывает Спаситель. Не только указывает, но и показывает то, каким надо быть, чтобы подняться на Неё. Можно сказать иначе, что то, о чем повествует нам Евангелие – это образ жизни во Царствии Небесном, в Его вечности. Каждая личность – это такой, свойственный ей формат исповеди только этого восхождения во Царстве Небесном в единое для всех Цар-

ство Небесное земными тропами. Древняя вера славян не исключение, имела этот же образ в своей свойственной славянам специфике выражения. Она имеет множество направлений-учений, но все они имеют право на свое существование, если ведут к Одной, Единой для всех и вся Вершине вершин.

Вера древних людей

Во-первых, необходимо ясно понимать то, кем мог быть древний учитель и кто именно имеет право учить, передавать по наследству. Он живой образец для подражания, указующий ориентир направления подвижничества, благодаря чему дожил до преклонных лет. Он смог через всю свою жизнь пронести радость, оставаясь самим собой даже очутившись в аду. Он имеет верное представление о том, кто такой Бог, личность и оставаясь самим собой движется в этом верном представлении. То есть в его понимании нет узаконенного греха. Он спасся только потому, что был верен себе и остался самим собой – душа по природе осталась христианкой. Перед моим мысленным взором стоит умудрённый тяготами жизни престарелый, но довольно моложавый аскет. Он многое прошёл и не потерял своей радости жизни в богообщении и любви к людям. Но этого мало, ведь он страждет о своих детях и жаждет, чтобы они, также как он, прожили свою жизнь достойно и дожили до преклонных лет. То есть он не спит в ожидании, а сам идёт туда, где он нужен,

даже если отвергнутый. В детстве у него было много друзей и среди ровесников, и среди старших, и среди младших. Но сказать слово новому поколению, передать эстафету имеет право только он, ибо прошёл путь тяжелой жизни и выжил, дожил до преклонных лет и, главное, не утратил радость и жажду жизни, и ясность ума. Он, в отличие от других, прошёл топкое болото и теперь знает брод (брод – понятийное имя аскетического делания). Умудрённый жизнью престарелый муж жаждет делиться счастьем, хочет рассказать, поделиться своими мыслями, ищет формы свидетельств о Боге в своей жизни и пути к Нему. *Он жаждет восстановить семя тех, с кем жил когда-то и ради этого он хочет жить долго.* Тот, кто воспринял его поучения, выжил и продолжает дела дедов, обогатив их теперь уже своим личным опытом, передает его по наследству потомкам, кои продолжают улучшать этот опыт.

Все в мироздании родилось только как утверждение живого и как его производное одновременно. И, только как утверждение живого, не утратило своей актуальности во всех смыслах и осталось в бытии. Благодаря тому, что утверждает живое (во всей полноте этого слова, ибо жизнью надо назвать и радость в чистом виде), каждая фибра бытия имеет вечность и преемственность. Вне этого плана во Вселенной ничто не может иметь бытие.

Основная мысль этой книги. Всякое учение и с ним всякий мир рождается из недр именно любящего своих де-

тей отцовского сердца. ****Всякое учение, каким бы крайним оно не было, в конце концов соотнобразуется с чаяниями и интуицией любящего сердца отца.* В противном случае, обречено на отчуждение. То есть обязано привести личность к покаянию, к смирению перед любовью и волей отца. И только ради этого оно имеет право быть. Есть любящее сердце отца – будет жизнь и будут новые учения у него о себе, о своей любящей душе и о своем полном опасностях победном пути к Богу. Любящее сердце отца хочет и должно полностью контролировать чад своих, кои неизбежно постоянно задают вопросы в соответствии с новыми открытиями и новым опытом освоения Вселенной. Открытия в науке – это хорошо, но только в одном случае, если они укрепляют доверие к сильному духовному авторитету в этом народе. Это как нож, которым удобно производить какие-то работы в хозяйстве, если он на своем естественном для общей радости месте – рукоять лезвия в ладони. Но оный может быть инородностью в живом теле, если покушается на добрые отношения отцов и детей. Таким образом, перед нами стоит нелегкая задача: отеческая правда жизни со своим любящим сердцем должна проникнуть во всё и даже в глубины мироздания, в коих ныне погружен научный анализ в том же числе. Отечественная любовь должна верховодить в глубинах миропонимания и научного прогресса, чтобы продукты человеческой научной деятельности не оказались там, где они становятся инородным телом в естестве живого. Трудно такое

принять ученому, а придется – он должен идти к людям не со своими форматами мысли, а через отеческое понятие о мире и в согласии с его волей, чтобы утверждать живое даже там, где жизнь невозможна. Этот вопрос очень важен, ибо речь идёт об освобождении русского народа. Освобождение – это не свобода от колонизаторов, а свобода от всего противоестественного живому, от собственного самодурства. Если сам не можешь вписаться в окружающее Царство Небесное, то сие болезнь собственного ума. Здесь речь идёт о перекосах и многочисленных перегибах, от всех форм инородных крайностей, из-за которых народ сам для себя становится инородцем.

Древность от нас никуда не ушла, она так и осталась вместе с нами. Мы по-прежнему живём её законами, даже не ведая и не осознавая сие. Более того, древность осталась телом, впустившим в себя Благодать Духа Святого Православия. Православием обогатился славянский мир и преобразил веру свою присутствием Духа Святого. Ничего не разрушено в покаянном образе жизни наших народов, но только дополнилось Им и Его Сущностью. Если до Рождества Христова древность готовилась принять Его и Дух Святой через Него, то теперь появилась ещё одна функция – сохранить присутствие Благодати Духа Святого и исповедовать о Нём потомкам. С помощью посылов из древней веры точка созерцания мира закреплена не на чем-то либо, а именно на Боге. Теперь же, после сошествия Духа Святого на человечество (в

лице учеников Его) усилилась радость от этого созерцания, а потому оказался востребованным новый опыт аскетического делания – удержание Его присутствия на личности. То есть функция приуготовления личности к принятию Христа в древнем славянском формате никуда не делась. Она так и осталась, и стала богаче, более полной, и законченной. Она важна до сих пор, ибо человеку свойственно ошибаться и падать, а потому восстановление не утратило своей актуальности. Ибо восстановление человека, упавшего с вершины бытия в Боге, должно быть нежным, адаптированным к возможностям физиологии человека и его психики.

Человека необходимо привести к вере, к аскетическому благочестию радостью. То есть надо научить его радоваться следуя дорогами, не инородными вечности души (алкоголь и грехи), а путями благочестия и аскезы. На современном понятийном языке это звучит иной раз очень жестко: убить неверного (отцу). Хотя сие есть самая древняя установка во всех народах мира. Так или иначе все религии мира призваны решить именно эту задачу. (По сути мы имеем дело со множеством вариаций выражения именно её.) Но «убить неверного» для тех древних славян – это не физическое истребление, а вразумление добрым словом и человеческим отношением. А после Сошествия Духа Святого на апостолов, убийство неверного происходит счастьем через действие Благодатю Божьей. Такой образ мышления особенно важен народам Севера, ибо продиктован необходимостью жизни в тя-

желейших условиях и только оный имел живучесть и смог протиснуться в будущее в жесточайшем естественном отборе. Неверный становится верным, рождается новый брат и соратник в борении со смертью. Это очень важно понимать, ибо победа – это никак не довление одного над другим в столкновении, а совсем наоборот: это торжество жизни над смертью. Торжество жизни над смертью имеет только любовь и радость внутрисемейных отношений. Именно благодаря жесточайшему естественному отбору в бытии возникла монархия с её августейшей Семьей. Это образ торжества добра над злом радостью младенца, улыбкой на лице ребёнка в руках матери. Это и есть образ непобедимости в самом чистом виде, спасительный ориентир для подражания, полнота молитвы Богу. Человечностью побеждается смерть. Человечностью следует расположить заблудшего к себе и подготовить для важной беседы ради его спасения.

До Рождества Христова сие выглядело так: надо вникнуть в образ мышления, проникнуть в глубину заблуждения, снизить до самого дна падения и потом сообразно специфике возникшего его мышления указать выход или провести к Нему. То есть на его понятийном языке сказать важное – привести к покаянию.

Так как таких людей будет много, то важно нейтрализовать возникший крен-заблуждение и соделать новой формой исповеди о Боге – соделать её замкнутым в самом себе учением. Понимаете, о чем тут речь? Если произошло отпаде-

ние от Вершины вершин, то возвращение на прежнюю высоту должно быть новым свидетельством о Боге. Это тоже Коловрат, в котором точка созерцания центра должна переместится в пределах уровня и оказаться со всех сторон для обозрения единого Центра. Только так, возникнет вся полнота представления о Боге с позиции возникшего заблуждения и заблуждение становится частью полноты выражения Истины в данной сфере бытия Вселенной. Остается только выбрать себе подходящий склон для возвращения на прежнюю высоту – там, где нет отвесной стены подъёма к Вершине вершин. Её каждый человек в праве выбрать сам. Свобода нам дана для того, чтобы радостью сообразоваться с Богом без насилия над собой. Возникает новое учение, которое имеет право на своё бытие только в одном случае – приводит человека к покаянию. Отсюда столько много течений в пределах веры древних славян. Каждое из них – это ещё одна река-приток к основному пониманию об Истине – послушание у старшего рода.

После Рождества Христова появляется ещё более сильная опора для тех, кто вел свой народ в будущее – присутствие Духа Божьего. Такова реальия жизни во Царстве Небесном не только на Небе, но и в Его земном оформлении.

Тогда, что нам несёт Священное Писание и чем оно разнится с древним славянским опытом? Священное Писание – это тоже учение о покаянии, только преподносится оно не наглядно через законы природы Вселенной (древние сла-

вянские религиозные доктрины, в коих “каждое дыхание да хвалит Господа”), а через самое наблевшее и близкое любящему сердцу – через межличностные отношения отцов и детей в пределах семейства. Писание с самых первых строчек “топчет и отвергает” логику бытия, требует подвига веры ближнему в чистом виде, как фундамент межличностных отношений. Перед нами сразу же встает непреодолимая отвесная стена, а именно требования принять на веру то, что анализу не поддаётся. Сразу, с самых первых фраз, священные тексты рвут мировосприятие алогичностью.

Что предлагают северяне? Представьте себе, что Вам дают отравленный продукт питания и говорят, что его можно есть. У нас растерянность в глазах, ибо знаем о том, что это яд. Тексты древних славян, не смотря на то, что это яд, не отвергают сие, но и требуют обработки этого продукта, чтобы как-то там этот яд нейтрализовать перед едой. Даже физиология тела живого несёт в себе именно этот же образ, в коем присутствует первоначальная обработка для нейтрализации ядов (процессом пережёвывания). То есть нет прямого восприятия (Источник-потребитель), а продукт должен быть адаптирован под физиологические способности организма его принять и приобщиться к Божественному. Как-то странно, но ведь нас такими сотворил Бог и мы не можем осваивать энергии без предварительной обработки носителя их. Речь идет не только о продукте питания, но и вообще о наукоёмких производствах.

После всего сказанного, вопрос в другом, а должно ли быть другим Священное Писание? Скорее всего, нет, ибо в нём надо называть вещи своими именами, Бог инороден не грехом, а только абсолюту святости и в святости же Его родство с нами. Вариации родства Истины у каждой живой системы свои индивидуальные. Иными словами, без этих установок вера перестает быть религией. То есть должны быть те, кто имеет опыт Истину сделать удобной для освоения собственным народом. Те кто писал эти тексты, старались сделать общими для всех.

Священное Писание в Книге Бытие – это такой Центр, вокруг коего вращается всё мироздание. Коловрат – это как бы четыре топора, кои сметают всё логичное и аналитически выверенное. Сметает логику и оставляет только общность с миром Божиим – с центром вращения. Бог не имеет величины греха, то есть величина греха связи с Ним равна нолю, а потому всё то, что имеет величину отличную от ноля четыре топора сметают на своем пути. С одной стороны центр всего и вся, а с другой ничтожество точки. Ведь осознание того, что мы ничтожество во Вселенной – начало покаяния и смирение. Такое понимание стимулирует человека занять свое место, где точка оказывается Началом начал, Центром центров. Священное Писание разрывает логику и анализ и нам остается принять этот шаблон и наложить на священные тексты древних славян, чтобы увидеть в Священном Писании самих же себя, свое славянское родное лицо. Главное,

мы сможем адаптировать истинную веру на своей Земле и понять важное, что это все могло родиться только здесь в суровости жизни и перейти с этих земель туда на африканский континент и уже от туда в Палестину.

Теперь что общего между двумя текстами? Главная мысль, которая проходит белой линией через священные тексты: там, где отец, там будет и сын, и его дети (начни с себя, покайся, сближайся с Богом и за тобой пойдут твои дети). В самых разнообразных вариациях сие понимание адаптировано в истории Ветхого Израиля и потом раскрывается уже в Святом Евангелии самым очевидным образом. Бог Отец посылает Своего Сына спасти человечество. Сын Божий попадает в самые различные ситуации, обращается в самых низших частях населения и входит в диалоги с самыми безнадёжными людьми. И везде остаётся Собой, везде проходит мимо смерти и выживает. Он не заразился, не развратился и, в конце концов, воскреснув, вернулся к Отцу Своему Небесному. Отец недосыгаем для смерти и судьбы, Сын Его тоже.

*****Там, где отец семейства, там будут и его дети.** Это самая Благая Весть, выход из трудного положения для любящего сердца отца, оказавшегося в безнадёжной недосыгаемости от детей и утратившего над ними визуальный контроль. В пределах веры древних славян именно это русло богомыслия было коренным и самым древним. А так как более важной темы нет, то метафизические теории древних могли освещать только её и имели вспомогательное значение

воспитанию детей возле такого святого отца семейства. Они как речки-ручейки делают реку полноводной, как притоки к основному течению реки.

Космогония мифа – это такой способ изложения опыта торжества над адом в духовной брани посредством тех посылов, кои были в поле зрения большинства челонов сообщества. Да и вообще сие востребовано свидетельствовать о Боге и этим вести людей к общему знаменателю – к покаянию, к благочестивому отцу. (Об этом говорят Мирча Элиаде и А.Ф.Лосев.) Наука тоже должна опять сослужить утверждению авторитета религиозных отцов. В противном случае, наука не нужна и канет в летах. Далёкие потомки о ней ничего не узнают. Ученые в первую очередь должны думать о том, как с помощью научного подхода поднять взаимопонимание отцов и детей. Не улучшение бытовых условий, а укрепление семейственности.

Чем ещё нам важен Ветхий Завет? Он ориентирует нас в самом образе покаяния. В чём именно следует каяться и как каяться? Какой ориентир-образец для подражания или к чему мы должны прийти благодаря покаянию? Ясно только одно: должны вновь вернуться к повинности у своего отца, к смирению с его волей. Мы должны сделать то, благодаря чему появились на свет спустя мириады лет, чтобы после нас жизнь продолжилась ещё столько же времени. С другой стороны, если бы история Израиля, изложенная в Писании, не была бы исповедью о Творце понятийным языком оши-

бок трудных и опытом богообщения, то перед нами была бы ещё одна форма язычества. Исходя из этого, дохристианские учения народов Севера также нельзя называть язычеством, ибо всякая космогония несла в себе учение о богообщении, о торжестве в духовных баталиях на основе опыта аскезы. Истина познается только истиной. В противном случае, если бы вера древних была иной, то Христа мы никогда бы не приняли. Да и само язычество, как крен в богословии, вечности не имеет, так как не выдерживает испытание временем.

Ещё раз повторюсь, что всякое учение, каким бы крайне реакционным оно не было, в конце концов, сообразуется с чаяниями и интуицией любящего своих детей религиозного сердца отца и, через это пребывая в естественном сопряжении присовокупляет человека к миру Царства Небесного. Только в этом случае даже такое крайне реакционное учение имеет право на свое бытие, как ещё одна поддержка в воспитательном процессе, как ещё один вспомогательный инструмент-указатель путнику, столь нужный для назидания нового поколения людей. Только любящее сердце отца знает место науки в движении души человека к Богу. Все когда-либо возникшие течения мысли, в конечном счете, вливаются именно в это общее для всего мироздания русло, в коем отец, уверенный за будущее своего рода может без опаски передавать детям всю полноту преемственной ответственности.

Представьте себе, что отец оказался за решёткой в тюрьме. Он теперь не имеет возможности наставлять сына или

дочь на путь истинный. И вот, он узнал благую весть, что он всё же способен помочь своим детям – может наставлять не словом, а Сущностью: он ради соединения с Богом поднимается в аскезе, он поднимается в святости жизни и этим тащит своих детей за собой к Небу. Детям Бог «закрывает уши и глаза на плохое». Чем духовно выше отец семейства, тем выше точка созерцания детей. Соответственно посылы, оказавшиеся в поле зрения этой духовной высоты, иные. Человек берёт в руки иные инструменты для достижения своих целей: не топор и нож, а слово Истины. И вот этот образ мышления становится естественным для чад такого отца. Там, где голова, там будет и хвост. Они тоже следуют за ним. Может быть, они не послушны, может быть они не обузданы и так далее, но, если отец не сдаётся и возрастом утверждается в своей личной связи с Богом, идёт вперёд к Нему навстречу, то дети неизбежно пойдут за ним и займут свое место, и понесут свой крест.

Ребёнку свойственно все испробовать, но только для того, чтобы выработать иммунитет – это такая физиология человека. В младенчестве дети все тянут в рот. Организму нужно поднатореть в борьбе с вирусами. Точно также дети натареют в духовной брани, им всё интересно, а потому любопытство толкает их всюду. Но, если есть сильный стержень, то онный не даст стать рабом греха и инородное себе душа личности не принимает. Самое главное наследство – это святость родителей. Есть святость – дети пойдут следом за ними. Путей

следования за отцом много и все они различны, но все они едины в одном – все они будут разными образами подъема к единой для всего и вся Высоте. То есть путь каждого станет одним из склонов этой Вершины, по которому его ребёнок совершает свой подъем. Направление вверх едино для всех, а склон подъема для всех разный.

Надо сказать, что если отец отпал от веры, отошёл от своей связи с Богом, то его требования подчиняться становятся самодурством. Он требует от ребёнка воспитания силы воли, третирует и растит дрессированного зверя. То, что он хорошо себя ведёт – ничего не значит, ибо как только клеть откроется, то зверь выйдет на свободу – нет сомнений. Беда в том, что он уже занял какое-то положение в обществе. К сожалению, таким было послевоенное время СССР. Вот откуда эта разворованная экономика комсомольцами и коммунистами.

Это и есть ещё один оттенок главной мысли содержания Книги книг. Эта идея является главной и для древних славян, а космогония вселенских мифов – это уже система указателей, исповедующих направление возвращения к Вершине, столь важного для отцовского сердца, сильно любящего детей своих. А если говорить точнее, то мифы – это иносказательное выражение того, что происходит в душе молитвенника, путь движения в аскезе. Только ради этого священного самоутверждения в торжестве в духовной брани родились эти мифы.

Как приняли Христианство на Руси, ведь троичность Бога трудно принять как единобожие? Древние видели в Боге Троице иное. Иисус Христос – Бог и Сын Божий только в одном случае, если Он несёт послушание у Отца Своего. Если послушания нет, то Он не имеет Божественности. Мир рушится. Это говорит и Сам Спаситель, что верующему все возможно: “Сдвинься гора и упади в море – так будет, если вера в сердце размером с горчичное зерно”. Об этом сказано в Исламе.

В Западной Церкви Бог Сын независимый и свободный, и равный Богу Отцу и Богу Духу Святому. Если мы акцентируем внимание на послушности Бога Сына и Бога Отца, то они акцентируют внимание на независимости. Хотя одно другое не исключает. Каждый волен быть свободным, но зачем акцентировать на этом внимание, не об этом надо говорить детям, ведь разрушается основа основ – послушание у старшего рода. То, что он свободен, дитя знает сам и без напоминаний ему.

Таков общий план веры древних, в пределы коего легко укладываются все самые сложные научные доктрины современности при одном условии, если оные не являются заблуждением.

И может быть этих слов уже достаточно для раскрытия основного смысла этих текстов в руках читателя. Можно сказать, что Вы прочли её. Повторюсь только, что древняя славянская традиция исповедует только покаяние, опираясь не

только на исторический опыт выживания своего народа, но и на бесконечные формы исповеди о Боге в покаянии, кои несет нам сама природа физиологии и Вселенной.

Иначе бы мы не состоялись бы, как народ, как люди. Нелзя наследие древних огульно называть язычеством. Древнее учение – это такое древо, в котором есть свои плоды Богу. Это означает только одно: надо видеть плод и отделять его от всего растения. Сие было актуально не только ныне, но и в те далекие эпохи. Такова жизнь.

Подобное познается только своим подобием. Исходя из этого Закона жизни, Истина познается только Истиной. Истина имеет много имен, каждое из которых характерно только для какого-то одного оттенка её проявления в соответствующей сфере. Во-первых, Истина – это жизнь в самом чистом виде со множеством выражений во всех сферах бытия.

Нам актуально для освящения нашего вопроса пока только то, что Истина – это Вершина вершин. Чтобы познавать веру древних, нужно уже стоять на Вершине вершин. То есть уже надо быть максимально ближе к святости.

Итак, чтобы писать богословские доктрины, надо быть «другом парадоксов», необходимо уже жить в тяжёлых условиях, то есть стоять на Вершине вершин. Ибо она одна во все времена и потому вид на мир под ногами во все прошедшие эпохи с неё открывался один и тот же.

Актуально подчеркнуть ещё один оттенок Истины. Что такое жизнь в самом чистом виде? Это стойкость в деле сто-

нения против зла, эрекция. Это уже сообразность Голгофы Христовой. Человек, как полевой цветок, сопротивляется и дождю с градом, и ветру, и вредителям, и болезням. Это трудно, тяжело и опасно, ведь гораздо легче лежать и сдаваться. Но человек хочет жить даже на Голгофе и сопротивляется, идёт на то, что более всего ему тяжело. Организм хочет быть здоровым, стойко переносить тяготы. То есть жизнь – это всегда прообраз Голгофы Христовой. А сама она Голгофа, на которой был распят Христос – это образ жизни, естественный для Сына Божьего, но сия ноша тяжела непомерно для человека. Но, не смотря на то, что каждый берёт Крест по силам своим, жизнь имеет Божественное происхождение. Это означает, что всю полноту скорби никто не отменял, то есть перед нами стоит та же самая задача – восхождение на ту же Вершину Христову во всей той полноте, кою Он взял на Себя. Мы должны взять на себя тот же Крест, но только более соизмеримая с природными возможностями тела личности жить на Земле и в пределах радости ребёнка. Надо максимально растянуть этот подъем к Вершине и идти не по отвесной стене за Спасителем, а по склону с малым градусом наклона.

Вершина вершин одна и та же и человеку, чтобы познать Истину, надо быть Истиной, то есть быть вершиной, взойти и стоять на эту Вершину вершин. Только после этого мы сможем понять то, что русская речь, на самом деле, это система священных текстов.

Вершина вершин – это не просто возвышенность. Вершина вершин несёт в себе много граней, о коих следует говорить, ибо каждая из них – это путь для личности или направляющая его и ему к Богу. Это понятие несёт в себе множество составляющих.

Для большей ясности понимания есть необходимость изложить следующую мысль аллегориями. Все когда-либо созданные учения и научные доктрины имеют истинность в только в пределах своей доктрины, в рамках строго отведенной природно соответствующей для каждой области или сферы бытия. В каждой грани на её понятийном языке звучит свое уникальное и характерное этой области Вселенной имя Бога. В Нём и только в Нём все они, эти сферы и грани, едины (этот момент важен для физики и математики). Эти имена получает этот общий для всего и вся Центр единства. А разделены только свойственной себе спецификой исповеди о Нём. Так и каждое учение, каждая научная разработка также называет Бога уникально звучащим именем, понятным только в пределах границ данной грани природы. Самое тяжелое в любой научной разработке – верно назвать Бога на языке, уникально сложенном в формате мышления. Этим занимались и древние мыслители Севера. Верное имя, коим называем Бога в данном исследовании – это значит, человек принимает в данной реальности образ Божий, то есть обретает единство с Ним в данном контексте свойств и власть над миром в пределах возможностей этих свойств.

Для понятности сказанного есть смысл привести примеры из природы бытия. Алмаз своими свойствами имеет относительную близость к абсолюту, к Вершине вершин. Также вакуум. Ноль на координатной плоскости в мат.анализе. Человек в мире флоры и фауны. Солнце в галактике. И так далее. Надо сказать, что на Вершине вершин все приближается друг к другу, стремится к единству, а потому только в пределах Вершины вершин может быть в области досягаемости. Алмаз, флора и фауна и всё то, что нам привычно видеть. Этими же дорогами пойдём и мы. Сблизимся с Истиной древних в первую очередь своим образом жизни, очищающими душу и дух жертвами. Ведь человеку естественно созерцать мир только с Вершины вершин. Ибо сектор обозрения очень ограничен природой физиологии, из-за чего все великое распознаётся с высоты Вершины и с расстояния далей. Так вот жизнь на Вершине вершин всегда является прообразом Голгофы Христовой во всех смыслах.

Итак, начнем изложение генеральной идеи веры древних славян.

Исходя из некоторых мыслей предыдущей главы, есть смысл говорить только о том, что могло быть наиболее актуальным для людей того времени. Эти же ценности не могут утратить своего значения и сегодня. Начнём

Есть в Православии такие молитвы, которые называют Акафистами. Вопрос, почему в икосах каждого акафиста есть строки, которые начинаются глаголом "Радуйся..." Как

понять и откуда взялась такая форма молитвы?

Мне думается, что это оттенки чисто славянской веры. И означает, что все надо делать только радостью. К примеру, в сказке А.С.Пушкина "О попе и его работнике Балде" есть такой эпизод, в коем Балда просит беса пронести коня с полверсты. Бес не может, а Балда, оседлав коня, скачет на нём полверсты и более может. Так вот, если бы Балда был прославлен как святой, то в иконе мы бы, наверное, читали такое предложение: "Радуйся, коня между ног полверсты пронесший". В то время когда бес кожилится в тяжбе, надрывался от непосильной ноши, Балда же радостью проскакал полверсты и мог радостью еще много проскакать, ибо для него это радость. Пред нами два образа миропонимания и два образа человека, и соответствующие этим образам уклады жизни. Так святые решают все свои проблемы, ибо они уже во Царстве Небесном при жизни. *Если человек имеет образ беса, то онный уже при жизни в аду. А если он человек, то есть имеет образ Божий, то при тех же физических нагрузках гармонично вписывается уже во Царство Небесное и ходит Его дорогами уже на Земле при жизни земной. Во Царстве Небесном всё стоит на такой радости и окружающий ад бездны оказывается Его составляющей. Спасение людей через радость творчества во всех сферах искусства и любого вида деятельности.* Так вот радостью спасения людей мотивированы художники, музыканты, композиторы, строители, пекари и так далее. Вне этой радости спасения человека нет

вообще ничего как на Небе, так и на Земле – это есть мир межличностных отношений.

Вообще странно то, что в 19 веке этот вопрос освещается аллегорично, то есть нет прямых текстов наставлений в литературе, нет поучений великих аскетов.

Радостью мотивированы все и всякое дело самого тяжёлого подвига надо делать только радостью. То есть торжество над смертью – это радость и на подвиг надо идти уже с радостью торжества над смертью, чтобы остаться самим собой в подвиге.

Бог есть жизнь и созерцание Его приносит счастье. Чтобы Его видеть и быть с ним, нужны любые формы движения. Перемены нам нужны, чтобы видеть то, что изменить невозможно. Это как заяц в траве есть и его можно разглядеть, но это очень тяжело. А если зайца спугнуть, то он сразу заявит о себе. Так и радость Божественная. Мы нуждаемся в физическом тяжелом труде, чтобы быть счастливыми и чтобы безошибочно видеть Бога. Таков ещё один оттенок природы Коловрата. Труд ни для чего более не нужен, кроме одного – видеть Бога. Только в этом случае, труд несёт в себе счастье, становится составляющей нашей физиологии и биоритмов. Труд становится источником экстаза. Вот почему религия – это опиум для народа. Но такое возможно только при одном условии, если человек видит Бога, если его внимание сосредоточено на хорошем. (Надо беречь ум от зломыслия.) Исходя из сказанного, нам ясно то, какой должна быть практика

медитации во время монотонного физического труда с высокой интенсивной активностью.

Стихи Тютчева о том, что в Россию надо верить – хороши, но все же мысль тоже должна молиться Богу, быть в сопряжении с молящейся душой. Вот этой молитвы самой мысли в схематичности образа спасения и освобождения нет на Руси. Это и есть дыра. А поэтому Коловрат – это такая молитва Богу самой мысли, коя верно отражает схематику торжества живого над смертью радостью. Радость – это точка, вокруг которой вращается весь мир. Вокруг счастья всё имеет место быть и нет ничего вне этого счастья в Боге. Структура Царства Небесного на лицо и она имеет схему – Коловрат.

Примечательно, что сама смерть становится также составляющей молитвы и тело закапывают в землю, ибо с новым рождением человек становится частью более великой молитвы в образе Коловрата. На лицо факт следующего шага в процессе свойственного жизни возрастания к Образу Бога. Это физическая потребность, которую мы видим не только у людей, но и в мире флоры и фауны. Животные, чувствуя предстоящую смерть, стараются лезть под землю.

К примеру, Коловрат несёт в себе образ покаяния. Как бы четыре топора, единые в точке пребывают в кружении. Перед нами процесс разрушения всего того, что попало под их лезвие. Рушится всё, кроме одного – самой точки, в которой топоры едины. Такова жизнь, что в ней живет только то, что ничтожно и живут только те, кто может смирить свою гор-

дыню и осознает свою ничтожность.

Если изучить историю Ислама, то мы увидим, что в ней сочетаются опыт древних с новыми веяниями в мировой религии того времени. И тут видно, что зачинатели Ислама почитали своих дедов и веру их, а потому реформы оказались хорошо адаптированы в этих регионах. А ведь этого не произошло в Византии и в нашей Руси после Крещения её. Кааба была очищена пророком Мухаммедом от языческих идолов. Это нормально, ибо всякая святыня всегда обрастает разного рода «мхом». Даже Православие оказалось не исключением, о чем хорошо сказано о.Андреем Кураевым в его книге «Оккультизм в Православии». Тогда почему нельзя очистить древнюю веру славян от подобного «мха», а золотой её Центр оставить. Да можно, ибо сие есть одна из трактовок Коловрата, коя как раз предлагает нам эту мысль (четыре топора). И пророк Мухаммед делает именно это в землях современной Мекки. Это первое. Второе. Святыня всегда несет в себе исцеление. Следовательно, паломничество к ней должно нести именно освобождение от всего инородного ей, именно сообразуясь с Коловратом. Какой могла быть святыня древних? Наверное, это какая-то Вершина или её прообраз. Восхождение к ней всегда очищающая душу тяжесть. Если Коловрат использовать как шаблон (на самом деле схема становится молитвой), то очевидно, что центром притяжения верующих славян был бы не Стоунхендж и не Нижний Тагил (хотя тут можно что-нибудь придумать), а

Ось вращения Земли с её полюсами. Северный Полюс, дойти до которого всегда серьёзное испытание. До Великого Похолодания (около 5000 лет до РХ) на планете может быть Северный Полюс был доступным. Может быть не зря северяне рисуют Колесо Велеса святыней, ибо стоя только на самом Полюсе Севера становится очевидной вращающаяся по часовой стрелке структура мира Коловрата: Солнце ходит по кругу вокруг человека. Получается, что только там он на своем месте. Вот откуда и само понятие о Коловрате. (Населяющим области экватора сие не распознать, ибо в их поле зрения иная картина: Солнце восходит на Востоке и заходит на Западе.) Но на самом-то деле, чтобы иметь способность покорить любую вершину Вселенной, нужно быть на Вершине вершин, а Коловрат должен быть внутри нас. Стоя на Вершине вершин в нас самих можно покорить все остальные вершины мира. Любая форма подвижничества: пост, воздержание, тяжёлый физический труд в основе своей содержат образ Коловрата. Но вот вопрос, который начали все отчетливее и отчетливее понимать древние, что не Коловратом мы достигаем Вершину вершин, а Коловратом (в том же числе в поте лица) держимся на ней и создаем необходимое условие – можем наиболее успешно хранить чистоту души, стоя на ней получаем её отражение во всём. То есть центр мира там, где Бог, а не там, где есть какие-то центры космоса. Это так. Именно по этой причине Спаситель мог прийти туда, где Его не ждали. Но ведь тут таится именно эта отвесная стена

подъема на Вершину вершин. Трудно соединить одно с другим и без Голгофы даже невозможно. Разуму нужно соответствие одного с другим, чтобы жизненное восхождение к Божественной Высоте было удобоприемлемым. Да, на Третий День сотворения мира уже была трава, хотя Солнце и Луна не существовали, но удобно воспринимать, если первыми будут сотворены Солнце и Луна. Но тогда нет контрастности созерцания Бога в этом и Священное Писание теряет остроту восприятия Промысла Божьего. Получается, что Бог подчиняется законам природы, а не природа Богу. Да, это так, но всё же, нам нести Царство Небесное надо земными тропами. *При этом, чтобы улыбка не сходила с уст младенца, ибо, в противном случае, Царство Небесное невозможно.* То есть, всё-таки центр мира надо поставить туда, где ему естественно быть. Природа призвана толкать ум к Богу, а ум точно показывает и выбирает наиболее оптимальную дорогу к Нему и при этом точно в Цель. Иными словами. Речь идёт о том, что Центр Коловрата надо поместить на сам Северный Полюс. Страданиями очищается душа и жизнь невозможна в таких условиях, если ум зломыслит. Хотя не место красит человека, а человек место. Может быть Коловрат – это не какое-то особое место на земле, а сам человек, который сводит на нет всё то, что инородно точке Центра. Скорее всего так и есть, ибо откуда взялась государственность в этих землях, коя является отдалённым прообразом того уклада жизни, коим живёт современный монастырь Руси. Только покорив Верши-

ну святости в себе, можно покорить все остальные вершины мира. Вот о чем говорит преподобный Серафим Саровский, что Святая Земля вам здесь и Горний Иерусалим, и Иордан. Об этом опыте важно говорить, ибо оный прошёл путь становления в течении многих тысячелетий. И вот этот критерий является человечностью в самом высшем его проявлении: аскетизм ничем внешним не мотивированный (ни суровость климата, ни плохое отношении со стороны ино-родцев, ни что-то иное очищающее любовь между людьми). Пророк Авраам – олицетворение этого пути. Хотя всё-таки родилось сие именно там, на Вершине вершин – на Полюсе Севера. И ведь до сих пор бич Божий кто отменит и когда? Вопрос в другом и об этом очень важно сказать. Надо, чтобы подъём на Вершину вершин не был по отвесной стене, ведь тогда возникает естественное желание узаконить грех среди тех, кто не смог подняться. Вода становится стоячей и злопахнет. Узнаете Русь перед революционными катастрофами и как вели людей к ней? Здесь все наши баталии за будущее народа.

Тут два в одном взаимно дополняют друг друга. (Об этом важно начать говорить хотя бы только для того, чтобы не превратить мировые океаны в плавучую помойку, ведь ино-родно стоящий Центр в умах людей инороден также самой окружающей природе. А потому и так много шрамов на самой природе Земли.)

Так как природа человека одна, то схема Коловрата рас-

познаётся во всех формах подвига и все формы самопожертвования являются вариациями его, который *невозможен без Божественного присутствия в самом центре его вращения*. При Его присутствии всё сообразуется Ему и потому подвижничество любых тяжестей действует как усилитель яркости переживания любви и радости о ближнем (образ телесной близости супругов, но на всех остальных уровнях природы и во всех остальных сферах Вселенной). Таково исцеляющее приобщение к святости.

Для ясности понимания вопроса следует показать сие с других сторон. Скажем слово об Иудаизме. И вот, что интересно, Бог – это жизнь в абсолюте и дает свободу раскрепощения только в пределах Божественной радости единства и миротворчества, то есть в границах Его промысла, созидания и утверждения живого. Если Он присутствует в душе, то какие-то ограничения свобод теряют смысл, ибо за границы жизни преступления не будет. Нет к этому даже мотивации. Но нужны будут только «правила дорожного движения» счастливых людей, чтобы одни решали вопросы с другими счастьем мирно. То есть перед нами как раз вот этот момент: бытие на Вершине вершин обуславливает остальное только в пределах данной Высоты, коей свойственна абсолютная чистота Бога. А «Правилами Дорожного Движения» становится Закон Моисея.

Чтобы далее говорить об Иудаизме, необходимо дать определение живому с иного ракурса. Жизнь – это такой гор-

ный ручей, который естеством кристально чистого потока воды самопроизвольно находит себе путь к большой воде. Если же вода грязная в нём, то постоянно возникающими заторами он естеством собственной грязи сам себе создаёт проблемы. Ничего не добавить и не убавить к этому. Жизнь итак Божественная и её более Божественной не сделать, но только почистить – такова вера евреев. Они боятся рассуждать о природе Бога и даже боятся называть Его Имя, чтобы не осквернить этим именем Его (ведь, согласно определению, наша природы познания требует разрушения, распятия живого)

Христианство ничего не привносит, но для хранения природной чистоты Бога посылает Благодать Духа Святого, из-за чего чистота приносит теперь ещё и усиление радости в Боге. Вожденный плен чистоты души усиливается влиянием Благодати Божьей.

Всякое искусственное или умозрительное единство – есть ущемление естественной для жизни высоты, насилие над ней инородством для естественной радости единства, коя возможна в данном образе только и только в границах этой вершины. Ниже Вершины вершин единение также имеет место быть, но оно здесь «перефразируется». Ниже Вершины единство в том виде, в каком оно естественно на самой Вершине, невозможно и имеет иное выражение. Сама по себе Вершина вершин – это жизнь и единство является свойством живого, а потому единство нижних уровнях Вершины ми-

рождения – также форма жизни, а потому должно нести все характеристики живого, свойственного Вершине верши, но не так, не сразу и одновременно, как самой высшей Точке. Постепенно, дозировано, удобоприемлемо.

Высшая точка высоты имеет множество граней и, чтобы иметь бытие, жизненно важно быть причастным ко всем граням Вершины, причем в той же последовательной очерёдности. Эта та же самая точка во всех проявлениях полноты природы, только свойства её мы распознаем не сразу, как это на Вершине вершин, а несколько растянуто. (При этом некоторым свойствам отдано больше приоритетов, из-за чего оные сильнее выделяются для созерцающего. Выделение этих приоритетов продиктовано необходимостью сохранить стабильность в данной окружающей среде и стимулировано естественным отбором в жесточайшей борьбе за выживание. Этот момент определяет вид жизни на Древе жизни)

Итак, чтобы жить, надо иметь приобщение ко всем граням Вершины не сразу, а постепенно. Но обязательно иметь ко всем граням, хотя сие может возникнуть в будущем, даже в бесконечном будущем, но обязательно быть. То есть нужно движение в той же последовательности и соблюдении очерёдности следующих друг за другом граней всей полноты. Далее точка вершины цельная и замкнута сама в себе. Это свойство обязано реализоваться в иной трактовке выражения Вершины на нижнем уровне от Неё. То есть движение должно быть замкнутой и представлять образ цельности –

возвращаться на исходное положение.

Понятно, что речь идёт о цикличности, то есть об окружности и о движении по окружности. Перед нами образ Вершины вершин на иных уровнях высоты и оный имеет вид Коловрата. Это та же Вершина, но в иной проекции.

Представьте себе, что Солнце движется к закату. Сначала это просто светящийся круг, но при прикосновении светила к горизонту на поверхности воды возникает дорожка от горизонта прямо к нашим ногам. В самом светиле ничего не изменилось, а вот образ нашего восприятия его стал иным. То же самое и в нашем случае, жизнь не изменилась, она так и осталась Царством Небесным Вершины вершин, но ниже Точки Высоты, Царство Небесное жизни являет себя иначе – в образе Коловрата, трудами в поте лица (хотя для нас это не важно. Ибо радостью мы всего этого не замечаем. Радостью мы видим улыбку на лице младенца и счастливы счастьем малыша).

Каждая фибра бытия имеет только эту схему самовыражения. Даже атом. Человеческий организм несёт в себе также отражение Вершины вершин, но вот в таком привычном специфичном виде. Иными словами, перед нами понятийный язык, с помощью которого перед нами явлен Бог и человек, несущий Его образ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.